

Претендент на бестселлер!

Сергей Петров

Хроника его развода (сборник)

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Петров С. П.

Хроника его развода (сборник) / С. П. Петров — «Эксмо»,
2016 — (Претендент на бестселлер!)

Ты что творишь?! НЕ НАДО! Я говорю это себе, я говорю это тому, кто идёт прямо в логово хищницы. Я обращаюсь с этим воззванием к тому, кто собирается поменять надоевшую жену на новую – стройную девочку, сделавшую ему глазками. Куда ты лезешь? Там не будет ничего нового, там будет хуже, чем было. Там не будет НИЧЕГО! Ничего хорошего, слышишь! Ах, ты уже в процессе? Ну, тогда читай хронику моего развода...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Петров С. П., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Мужская версия любви	9
Хроника его развода	11
Часть первая	12
1	12
2	13
3	14
4	15
5	15
6	16
7	16
8	17
9	17
10	18
11	19
12	19
13	20
14	20
15	22
16	23
17	23
18	23
19	25
20	25
21	26
22	28
23	28
24	30
25	30
26	30
27	31
28	33
29	34
30	34
31	36
32	37
33	39
34	39
35	40
36	40
37	42
38	43
39	44
40	44
41	44
42	47
43	49

44	49
45	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Петров

Хроника его развода (сборник)

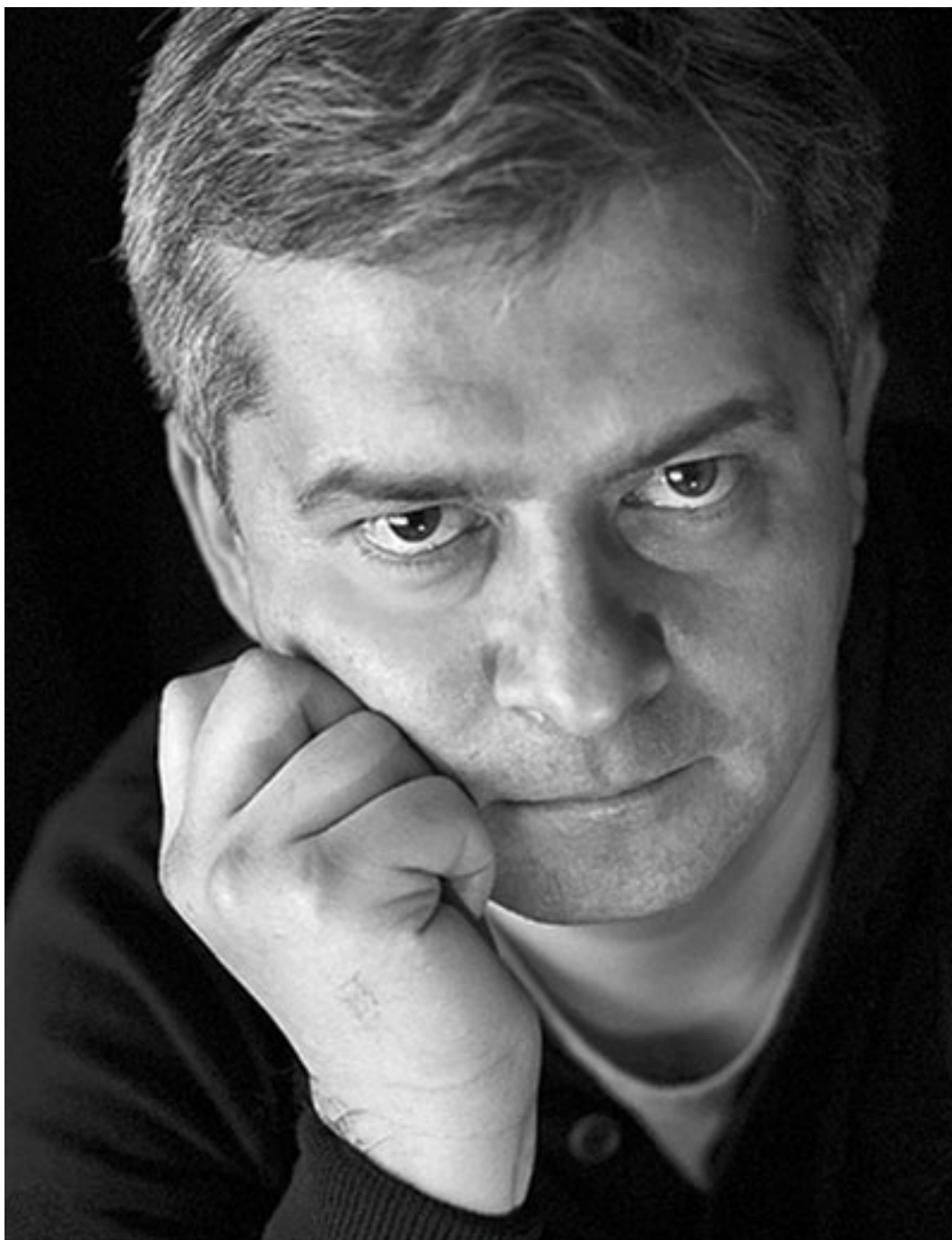
© Петров С., 2016

© Павликовская М., иллюстрация, 2016

© Авдеева Е., фото автора, 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

СЕРГЕЙ ПЕТРОВ служил следователем, был ведущим на «Радио 7 на 7 холмах», «РСН», «Говорит Москва». Проза печаталась в «Литературной газете», журналах «Урал», «Сибирские огни», «Смена», в «Независимой газете» и других. По его сценариям снято 6 сюжетов для сатирического тележурнала «Фитиль» (канал «Россия»). С 2014 г. колумнист журнала «Русский пионер» и ведущий программы «Самое оно» на радио «Медиаметрикс». В 2016 г. принял участие в съёмках комедийного сериала «Проба», где сыграл радиоведущего. Личность творческая, медийно-разносторонняя.

«Страстная исповедь человека, который бросил жену с ребёнком ради другой женщины и потерпел крах в следующем браке. Рассказчик безжалостно срывает маски с мужчин, эмоционально и правдиво

демонстрирует нам губительные последствия такого шага. Сергей Петров не жалеет ни своих героев, ни читателей».

МАРИЯ ПАНКЕВИЧ, ПИСАТЕЛЬ, ЖУРНАЛИСТ

Выражаю глубочайшую признательность за любовь и дружбу сыну, родителям, бабушке и Черничкиным, а также: Павлу Отарашвили и Татьяне Петровой, Михаилу Пустойту и Ивану Зорину, Валерию Смирнову и Владимиру Лорченкову, Инне Иохвидович и Светлане Данилиной, Александру и Алексею Каплунам, Елене Лихачёвой и Марии Прокошевой, Александру Ивановичу и Алексею Стаськовичу, Вадиму Милашеву и Алексею Звереву, Павлу Меерсону и Славомиру Марковичу, Николаю Фохту и Марине Павликовой, Андрею Колесникову и Александру Зильберту, Анне Шепталовой и Надежде Кутузовой, Олегу Шадскому и Василию Богачёву.

Огромное спасибо за веру и поддержку говорю Маше Панкевич, Михаилу Жданову, Андрею Маматову, Дмитрию Великому, Дмитрию Решетникову, Нестору Махно и Джеку Лондону.

Поклон до земли божественной Еве Авеевой за свет, красоту, эфир и фото!

Благодарность нечеловеческих масштабов за доброе отношение и помощь высказываю: Елизавете Александровой-Зориной и Ольге Яковлевой, Елене Курочкиной и Ольге Аминовой, Надежде Колтышевой и Андрею Ильенкову, Сергею Белякову и Александру Зарецкому, Андрею Заблудовскому и Сергею Беляку, Алексею Сашину и Никите Кричевскому. Несомненно – Любе.

Всем проклинавшим и плевавшим вслед тоже мира и добра.

Мужская версия любви

Что может быть бесцветней имени Сергей Петров? Прямо скажем, не Антуан де Сент-Экзюпери, не Фёдор Достоевский... Даже не Джон Леннон. Кажется, что «Сергей Петров» – это такая густопсовая сермяга, такая каменная соль земли. Невольно ждёшь от этой книги длинных рассказов о настоящих простых людях, пристально глядящих в дальние дали выцветшими от степных ветров глазами. Ждёшь зубодробительно скучных историй о горьких путях к трудному счастью. Ведь так? Так?

Но... Судя по фото, автор – brutальный мужик. Местами – вполне себе Клинт Иствуд. Малорадостное лицо писателя не обещает читателю весёлого путешествия к счастливому финалу. Правильно?

А как вам такой кусочек правды: Сергей Петров – бывший мент. Бывший сотрудник милиции. Если задуматься, хорошие люди ментами не становятся. И значит, автор автоматически – мерзавец. Я прав?

Так что же вас ждёт на следующей странице? Стоит ли её переворачивать? О чём вообще может быть книга с таким названием?

Вижу, вы отгадали. И через минуту обнаружите, что Сергей Петров и не думал вас разочаровывать: и повесть, и рассказы – именно о ментах. Тех самых – мерзавцах. Об их жёнах. Бывших. Нынешних. Будущих. С которыми невозможно жить, и без которых – никак. О детях, которые не виноваты ни в чём.

В самом деле, о мужчинах и женщинах можно рассказать миллионы историй. Ракурсов окажется миллиард. Сколько людей – столько же версий любви, столько же версий ненависти. Перед вами – мужская версия событий одного развода – страстная, отчаянная, до мурашек!

Посмотрите на книжные полки. На 99 процентов там мужские фамилии. Вопрос «почему?» – отметаю. Мне кажется, интересней понять зачем? Зачем мужчины пишут? Зачем пишет бывший мент Сергей Петров?

Чтобы нравиться женщинам? Уверен – это одна из причин.

Чтобы рассказать о неповторимом себе? Конечно. Хоть сто порций! У Петрова даже имя героя созвучно его собственному.

Хочет ли автор рассказать свою систему мира? И это тоже. Правда, довольно скоро выяснится, что автор и сам в этой системе сомневается. Точнее – сомневается его герой. Но тут попробуй их различить.

Душа – главное, что есть в этой книге. Человеческая. Нравнодушная. Живая. Мужская. Огромная душа. Её несложно ранить. В неё так легко попасть, что можно не особо целиться. Кажется, ногтем щёлкнешь – она исчезнет. Но нет. Держится, хотя и не ясно в чём. Она – главный знаменатель, способный связать писателя с читателем.

Бывший мент Сергей Петров оказался человеком с редким даром гармонии. Драма у него одёргивает зарвавшуюся романтику точно в нужном месте. Страстность не затопляет собой сентиментальность. Перед вами большая литература, в которой каждое слово – на месте, каждая буква – в своей ямке. Мне непонятно, откуда у взрослого современного мужика, который всё про всё знает, нашлись силы обнажить душу. Запинаясь. Краснея и бледнея. Честно.

Душа – затёртая мелодия, держащаяся от первой буквы до последней точки этой книги. Что это за музыка? Вертится под языком... Что-то из Beatles или Stones? Нет, не вспомнить. Но только она одна противостоит всему этому аду, в котором живут герои книги. Который устраиваем себе мы сами. Ведь так?

Алексей Сашин, киносценарист

Хроника его развода

Анархическая трагикомедия в двух частях

Любовь – это разновидность пьянства. Только после того, как человек выпьет первые два стакана, у него появляются аппетит и жажда, и он начинает опрокидывать стакан за стаканом. Примерно так же было и со мной. И, смею вас уверить, я стал настоящим алкоголиком. Ещё не отрезвев от прошлой любви, я уже хватался за стакан, который стоял передо мной.

Бранислав Нушич «Автобиография»

Любые совпадения случайны. Всё приснилось. Герои появились из тумана подсознания и ушли обратно.

Мать вашу фашистскую! Так говорил Пётр Поппара Чёрный – югославский электрик и подпольщик из фильма Эмира Кустурицы «Андеграунд». И так теперь говорю я. По десять раз на дню произношу эту фразу по поводу и без, я смеюсь над собой. Загнавший себя в подполье, лишившийся самого дорогого, едва не потерявший себя, я продолжаю рычать это, пугая собственное уныние.

Мать вашу фашистскую, что вы творите? Я говорю это себе, я говорю это человеку, слепцом идущему напрямик в логово хищной суки. Несдержанным интеллигентом обращаюсь я с этим воззванием к тому, кто собирается поменять порядком поднадоевшую жену на новую стройную девочку, сделавшую ему глазками. Куда ты прёшь? Куда ты лезешь? Там не будет ничего нового, там будет хуже, чем было. Там не будет **НИЧЕГО!**

Ничего хорошего, слышишь!

Ах, ты уже зашёл?

Ну тогда читай, мать твою фашистскую...

Часть первая

*И крутить ты можешь так и эдак
Чёткое сансары колесо.
Моё тело состоит из клеток.
Я по ходу сам себе СИЗО.*

Михаил Елизаров «Тюремная»

1

Я работаю в Конторе. Служу верой и правдой государству нашему цепным псом. В любой момент я готов сорваться с цепи и растерзать сидящих в Конторах пониже, в республиках, областях, городах. Растерзать за бардак. За поверхностное выполнение наших указаний. За непослушание. Моя Контора – всем Конторам Контора, и я не открою вам её названия. Она стоит грозной глыбой посреди Москвы, хрен её сдвинешь с этого места. В своё время президент Медведев заявил, что вынесет её за пределы МКАД, но так и не успел осуществить он своего смелого плана – вернулся **наш** президент и дал понять – есть вещи, которые незыблемы.

...Я помню этот день. В тот день я вернулся из Хабаровска. Невыспавшийся, злой как чёрт, перешагнул порог своего кабинета и чуть не оглох от аплодисментов Николая Ивановича.

– Андрюня!

Николай Иванович грохочет, как кипящий на огне чайник. Сам он далеко не чайник, конечно. Николай Иванович ветеран Конторы. Ему пятьдесят шесть. Он начинал при Ельцине. Он знает здесь всех и вся. И нет человека, кто не знает Николая Ивановича. Начальники управлений, завидев его, первыми протягивают руки. Он крут, мой Николай Иваныч, он любит меня.

Как только мы познакомились, он сказал мне: «Какой ещё «Николай Иванович», Андрюха? Зови меня просто Коля!»

Коля говорит мне, что я – лучший собеседник, что у нас с ним похожий юмор, а без юмора в нашей Конторе никак. С ума сойти можно.

– Ходят, как индюки напыщенные, – говорит он о коллегах, – поэтому нас народ и не любит. С юмором же надо, с юмором.

Каждое утро Николай Иванович в нашем кабинете с кипой газет. У него есть свой кабинет, отдельный. Но ему скучно в своём кабинете. Он прибегает к нам и начинает знакомить с передовицами «Коммерсанта», «Огонька» или газеты «Завтра». Иногда из портфеля он достаёт «Новую».

– Так, посмотрим, что жиды пишут, – говорит Николай Иванович.

Я смеюсь, мои соседи недоумевают. Далеко не все работники Конторы, как ни странно, в курсе политической конъюнктуры. А журналистской – тем более.

Но не только за юмор ценит меня Коля. Он видит во мне боевого товарища по будущим сексуальным баталиям.

– Вон, видишь, – шагая по ковровой дорожке, он показывает на женщину лет пятидесяти пяти, – комендант. Мы с ней в подсобке целовались в девяносто третьем году. Выстрелы кругом, Ельцин по Белому дому из танков шмаляет, а я завёл её в подсобочку...

– Здравствуй, Коля, – говорит женщина, – что-то ты давно к нам не заходил...

И полон тоски её взор.

– Некогда, Галя, некогда. Много работы...

Остаётся за кормой Галя, хлопает ресницами. А мы несёмся дальше.

– Старая она, чё, – будто извиняется передо мной Николай Иванович.

Я его понимаю. С таким темпераментом некогда оглядываться назад. Он пытается объять необъятное, он работает активно. Продавщицы овощных палаток городка Голицино, работницы сельсовета его деревни и прочая – никто не должен ускользнуть от Николая Ивановича. Однако случаются обломы.

– Звонит мне: приезжай! Я собрался быстренько, выпил таблеточку «Ловелас», приезжаю... а у неё мама дома! И все остальные мои, как назло, заняты! У кого муж, у кого работа... А зачем мне муж нужен?

Здесь смеются все. Даже политически безграмотные.

Я чувствовал, что Николай Иванович предлагает мне хорошее дело. Любовниц, к моему стыду, у меня никогда не было. Подруги были, да. Бывало, что много. Но это всё до свадьбы. Как только я женился, перемкнуло что-то во мне. Поначалу была любовь. А потом родился сын, и я подумал, что изменять жене – подло. Любовь прошла. Но я всё равно держался.

– Левак укрепляет брак, – сыпал прописными истинами Николай Иванович, – потихоньку, что тут такого? Должно же быть в жизни что-то интересное?

Ещё чуть-чуть, и я бы составил ему достойную пару. Но тут, мать его фашистскую, подвернулся Екатеринбург.

2

Выслушав мои рассказы о Хабаровске (встретили плохо, гостиница – клоповник, чинуши все охеревшие, сплошной саботаж, а в качестве презента по отлёте – банки с морской капустой), Коля сочувственно покивал и произнёс:

– Ничего страшного, Андрюшенька. В Екатеринбурге будет по-другому.

– В смысле? – откровенно изумился я. – Теперь мне лететь в Екатеринбург?

– Ну да. Завтра.

Коля, мой друг Коля, был тогда за начальника. Я возмутился. А не слетать ли, мол, тебе самому? Однако я остыл, пришлось остыть. В том не было его вины. По указке сверху организованы четыре одновременных вылета комиссий Конторы: Забайкалье, Карелия, Вологда и Екатеринбург. Вылетал практически весь наш отдел, и качать права здесь было как-то не по-товарищески.

– Екатеринбург, Андрюх, – заебись! – восторгался Коля. – Люди нормальные, встретят хорошо. Я там год назад был. Лере от меня привет передашь!

– Какой ещё, – спросил я, – Лере?

– Ну, работает у них там, фамилии не помню. Лет двадцать восемь или тридцать, наверное. Симпатичная такая, фигуристая... Андрюха! – вопил темпераментный Коля. – Всё будет заебись!

...Встретили нас действительно хорошо, Коля не обманул. Босс областной Конторы и два его заместителя пожали нам руки, как только мы вышли из здания аэропорта.

– Прошу по машинам, господа, – улыбнувшись, молвил Босс, вежливый седовласый мужчина, позолота на оправе его очков весело играла на солнце.

Нас привезли в отель. Отель был приличным. Четырёхэтажный, украшенный флагами держав Евросоюза, грамотно втиснутый в ансамбль старинных зданий, он располагался на улице Хомякова. Мой персональный номер просторен. Окна выходят на девятнадцатого века дом с лепниной. Почему девятнадцатого – потому что под его крышей выпукло красо-

вался год – 1885. Новая мебель, плазменная панель, необъятный диван, а также возможность доставки завтрака из бара в номер – всё это вселяло в меня успокоение. Не Чита, конечно, там я был с проверкой в 2011 году и располагался в номере из четырёх комнат с джакузи, но и не хабаровский «Интурист» с потрескавшимся на дверных косяках лаком, чёрно-белым телевизором «Сапфир» и расшатанной кроватью.

Это – моя реабилитация, с удовольствием подумал я, завалившись в кроссовках на диван, реабилитация за Хабаровск. Тогда я и мысли допустить не мог, что суровый Дальневосточный край представлял для меня куда меньшую опасность, чем Свердловская область с добрым Боссом её Конторы.

3

Сидя в кабинете начальника управления, покуривая сигаретку за сигареткой и попивая чаёк за его рабочим столом, я объясняю цель нашего приезда, подшучиваю, говорю, что любой, кто попытается саботировать нашу проверку, кто не представит в срок нужных документов, будет расстрелян на месте, ибо настроен я решительно, после Хабаровска я злой.

– Что вы, что вы, Андрей Павлович, – лебезит передо мной начальник, – и в мыслях нет! Какой саботаж?

Я чувствую запах пота из-под его пиджака. Начальник волнуется, и меня это не может не радовать. Я не люблю начальников. В большинстве своём это проходимцы, подлизы по отношению к тем, что на ступенечку выше. Нередко без профильного образования, деньгами ли, подхалимажем, они влезли в свои кресла и боятся их потерять. Как ни крути, а я для них представляю формальную угрозу. Ведь никто из них не знает, зачем именно мы приехали. Вдруг мы прибыли за головой Босса, как говорят, под снятие? Снимут его, полетят остальные. А если вдруг не снимут, то те, из-за кого его чуть не сняли, всё равно полетят.

Поэтому он стоит и потеет. А я получаю удовольствие. Я никакой не начальник, я солдат Его Величества, можно сказать. Гвардии солдат. У меня, в отличие от потеющего князька, нет виллы на лесной опушке, но у меня есть руки, которые эту виллу могут отобрать. И он потеет, мать его фашистскую. А я сижу в его кресле и измываюсь над ним. Это прекрасное ощущение.

– Кстати, у вас тут работает Валерия... – Я делаю паузу, будто пытаюсь вспомнить отчество, хотя и знать её отчества не знаю.

– ...Фёдоровна! – подсказывает начальник. – Пригласить?

– Будьте так любезны.

Начальник выбегает в коридор, раздаётся тревожное его чириканье, и через пару минут входит она.

Зашла, и я обомлел. В Конторе, конечно, можно встретить красивых женщин, но чтобы настолько...

Милая русская девушка из сказки. Варвара-краса, Хозяйка Медной горы, кто там ещё? Господи! Румянец на щеках, коса на плече, гибкий стан, не хватает только коромысла.

Растворился в табачном дыму мой сарказм. Из циничного проверяющего я превратился в глуповатого дамского угодника.

– Э-э-э...

С ужасом пришлось осознать, что я – человек из Москвы – растерялся. Провинциальная красота в считанные секунды опрокинула меня на лопатки. Эдакий Козодоев, герой Миронова из «Бриллиантовой руки», но ещё тупее, вот в кого превратился я.

– Валерия Андреевна, – от волнения она была мной зачислена в дочери, – Николай Иванович велел вам низко кланяться...

С этой самой минуты я пропал. В меня вселился коварный демон любви, и я уже был не властен над собою. Под предлогом оказания практической помощи я таскал Валерию Фёдоровну с собой по всем объектам проверки. Я умничал и сыпал мудрёными фразами, повергая проверяемых в трепет, а её – в состояние неопишемого восторга и поклонения. Вечерами в сферу моей бурной проверочной деятельности попадали кабаки. Один раз я проиграл ей в боулинг, и она попросила вычеркнуть из справки негатив о каком-то районном боссике. О чём вы говорите, Валерия Фёдоровна? Не вопрос!

А ещё в один из дней я рассказал ей то, чего в Конторе не знала ни одна душа, даже светлая душа Николая Ивановича. Я признался, что пишу рассказы и публикуются они не только в Москве, но и в литературном журнале, который выпускается в их городе и является ведущим литературным журналом Уральского федерального округа. Однажды мы зашли в книжный магазин, я купил этот журнал и подарил ей. Там был напечатан рассказ «Практикант», первый мой опубликованный рассказ. Я и не помню, что она сказала по поводу прочитанного. Смысл сказанного сводился к тому, что это так необычно, а вообще на чтение у неё времени нет, и последняя прочитанная ею книга была «Доктор Живаго» (школьная программа, десятый класс). Я, тогда уже начинающий мнить себя литератором, почему-то не придавал этому ни малейшего значения.

Зря.

Да, с Валерией Фёдоровной мы не расставались ни на минуту. В воскресенье нас застал в её кабинете заместитель Босса областной конторы.

– А вы что, Андрей Павлович, не поедете на экскурсию?

– Нет.

– А почему?

– Мы будем работать!

Ошарашенный, он поспешил покинуть кабинет, и я услышал, как из коридора донеслось «самодур».

4

Второй год я пребываю в агрессивном психопатическом бреде. До этого у меня была просто шизофрения. Вялотекущая, протяжённостью в десять-одиннадцать лет, уходящая и приходящая, ожидаемая, предсказуемая. С шизофренией жить можно. Каждый второй человек на земле шизофреник, об этом мне говорил один авторитетный психиатр ещё в студенческие годы. Теперь же у меня психопатия. Второй год я нахожусь в тюрьме, высокие решётки которой возвёл я сам. Сам протянул колючую проволоку, установил вышки и пустил злых собак по периметру. Я уничтожаю себя. Ежедневно. Грызу, как голодный бомж грызёт яблоки, одно за другим ворую их из чужой корзины.

И яблоки почему-то не заканчиваются, и я ещё жив.

5

– Может, ты подумаешь? Может, не будешь ничего менять?

Когда Ирина узнала о моём решении, она не поверила. Она подумала, что я стебусь. Она привыкла к моему стёбу, стёб её крайне раздражает, но она к нему привыкла. «Я живу в атмосфере вечной клоунады!» – часто негодует Ирина.

Мы разные, совершенно разные люди.

Я об этом и раньше задумывался, но именно сейчас, после возвращения из Екатеринбурга, я осознал это отчётливо.

Она не восторгается моей прозой. Она даже подсмеивается над ней. Ты написал новый рассказ? И – что? Нас теперь печатает «Эксмо»? Я сдерживаюсь как могу. Я – писатель не хуже других. Меня публикуют. Да, в шайки литературные, как писал Довлатов, не берут и книжек не выпускают, но публикуют же! А других и на пушечный выстрел к редакциям не подпускают.

Жена должна быть не только женой, говорил мне отец, она ещё и соратником должна быть, Андрюша.

Я не вижу в Ирине соратника. Её состояние – это спокойствие, перерастающее в равнодушие. Так мне кажется после общения с Лерой.

– Жена должна переживать за мужа, помощницей должна быть, – говорила мне она.

И где же помощь? Где поддержка? Где переживания?

Я в них и не нуждаюсь, собственно. Занявший соглашательскую позицию, я тихонечко себе пишу, делаю своё дело. Но как было бы приятно, чёрт подери... Даже подружки её нет-нет да заглянут на «Фейсбук», восхитятся. А она?

Не восторгается. Не переживает. Ни за прозу, ни за другое. За что – за «другое», ловлю я себя на собственной мысли и точного ответа дать не могу. За всё! – ору себе. За всё, что происходит в моей жизни, мать её фашистскую, не до формулировок! Я пью презентованную Николаем Ивановичем гуарану (два пузырька в день), я бегаю по утрам, и Ирина наблюдает за этим с подозрением.

– Ты каким-то бешеным стал. И взвинченным, – замечает она.

Поздно, милая.

И твоё «может, ты передумаешь» тоже сказано поздно.

Надоело! Зачем? Наш союз давно вошёл для нас в привычку. Но мне, человеку, в чьих жилах течёт кровь жителей донских степей, эмоций охота и настоящей, настоящей любви, так, чтобы – эх! С огоньком да с посвистом!

Поэтому я решителен и непреклонен.

– Если, – отвечаю Ирине, – решил, значит – решил. Всё.

Я пытаюсь не смотреть на Ирину, увожу взгляд в сторону.

Она не любит меня. Безразличен я ей, привычка.

И порой мне кажется, что всё это я придумал.

6

Любовь – это химия, правильно говорят. Я бы чуть сузил – реакция. Реакция на жизненные процессы. Они могут быть как хорошими, так и плохими, эти процессы, мать их фашистскую. Хороший, счастливый человек – хорошо ему, радуется жизни, бах – ещё лучше. Хороший, но невезучий – плохо, плохо, но тут, наконец-то, на тебе! – награда за терпение. К плохим любовь не приходит.

7

Кульминационный момент моей реакции был растянут на два дня. Начало отмечаю в кинотеатре, в предпоследний день командировки. Я повёл Леру на «Великого Гэтсби». После просмотра я вышел ошарашенный. Я не мог понять, что происходит со мной. Фильм мне показался мощным; фильм был о любви, о действии во имя её и полном провале всего и вся. Из-за неё же.

– Как тебе?

– Нормально.

Нормально? Я готов кричать: «Охуенно!» Но ничего страшного. Перекуём! Я сделаю из Леры верную ценительницу хорошей литературы и битломанку, ведь я же люблю «Битлз», значит, и моя женщина тоже будет любить «Битлз»! Я убеждён, что это так. Лера сама говорила, что жена с мужем – одно.

8

Провожают нашу бригаду местные вожди. Нас ведут по зелёному коридору аэропорта, это спецпроход, мы заходим в красивую комнату с картинами и кондиционером. В комнате стоит симпатичная девушка и спрашивает нас, что мы желаем. Я веду себя развязно. Костюм мой в чемодане, на мне джинсы и футболка. Футболку мне прислал брат из Черногории, надпись «Слобода или СМРТЬ» на груди. Я уверенно заказываю бокал красного сухого вина и требую пепельницу.

Вожди говорят добрые слова. Никогда не приходилось иметь дело с такими прекрасными проверяющими, уверяют они. Мы узнали много нового. Мы коренным образом изменим подход к работе. Очень благодарны вам. Я смотрю в их довольные лица и тоскую по Лере.

...Добрался до дома, зашёл в квартиру.

– Куда летим в следующий раз? – спрашивает, улыбаясь, Ирина. – И на сколько?

Егор, сын мой, рад.

– Папа! Ты что-нибудь мне привёз?

Конечно, привёз. Я протягиваю ему коробку с летающим управляемым самолётом. Ужин, душ. Ложусь спать. В голове – Лера, Лера, Лера. Ирина на что-то намекает. Меня задолбали эти намёки. Устал, говорю, и засыпаю. Утром предлагаю сходить на фильм про Гэтсби.

– Нет, – отвечает жена, – не пойду. Мне не нравится актриса, которая играет главную женскую роль.

Ну и не ходи. Иду один. Этот фильм для меня – что спасительная доза для героинового наркомана. В глазах моих – её лицо.

...Ползут финальные титры, и я понимаю, что не могу без неё жить.

9

Ирина не может спокойно наблюдать за моим счастьем, не может и мне не даёт. Она решила получить у меня через суд алименты. Изначально мы договорились, что я просто раз в месяц буду высылать фиксированную сумму. Но потом что-то резко поменялось в её планах. Видимо, подругами была проведена консультационная работа, и она решила подать на алименты официально.

– Так будет надёжнее, – объяснила мне супруга.

Как же ты меня, думаю, нервируешь! Надёжнее. Что это значит – надёжнее? В данный момент я чувствую себя человеком в высшей степени благородным, каким бы странным это ни показалось. Развод и последующий отъезд к любимой не есть для меня преступление. Да, я разведусь и уеду, но это – не предательство. Отъезд – не значит отказ от содержания ребёнка. Так и Лера мне говорила: «Ты же не бросаешь его, ты остаёшься для него отцом, ты будешь ему помогать!»

Гнев душит меня. Лера (с ней мы созваниваемся четыре раза на дню) намекает, что алименты (с конторской зарплаты они составят солидную сумму) не будут использоваться Ириной целиком и полностью по назначению. Шмоточки будут и загранпоездки, полагает Лера.

– Тебе нужно разделить алименты!

– То есть?

– Открой статью шестьдесят четвёртую Семейного кодекса! – сурово произносит Лера.

И я открываю Семейный кодекс. Статья шестьдесят четыре. Часть вторая. Предусматривает деление алиментов. Пятьдесят процентов на руки матери, пятьдесят – ребёнку на счёт.

– Деньги будут копиться, – разъясняет мне любимая, – и когда ребёнку стукнет восемнадцать, на его счету появится нормальная сумма. Её можно будет использовать и как первоначальный взнос на квартиру, и для поступления в вуз, понимаешь?

Понимаю, дорогая, конечно же, понимаю. Как же она умна, думаю я, эта девочка с Урала!

Ирине такой расклад не нравится. Но я сделаю именно так. Назло.

10

Такие процессы выигрывают на эмоциях. Это я понял после первого судебного заседания. Там меня растоптали.

Ирина наняла адвоката, изъявив желание не участвовать в этом балагане. Я её понимаю.

Это оказалась адвокатесса – чёрная длинноногая женщина со страшным лицом.

Чуть позже я пробил чёрную женщину по социальным сетям. Её зовут Юлия. Аккаунт – «Юлик». Сорок пять лет, молодящаяся сука. На одном фото она целуется с фигуркой кобры, на другом полулежит на заднем сиденье авто, высоко забросив ноги. Выражение лица дьявольское и блядское. Мне даже становится тревожно за Ирину. С кем ты связалась? Что это за чудовище, фашистскую её мать?

Я не знаю, сколько у неё выигранных процессов. Но ведёт она себя очень уверенно.

– Ответчик предлагает поделить алименты. Ваша честь, это форменный бред! Посмотрите на него! Перед вами – нищеврод! Я понимаю, если бы он являлся бизнесменом, хотя бы индивидуальным предпринимателем средней руки! Но он же обычный государственный служащий! Даже тех алиментов, которые он должен выплачивать по закону, не хватит, чтобы достойно содержать ребёнка!

Истеричная баба. Не уверен, что это качество – хорошее для адвоката. Говорит – что строчит из пулемёта. Я еле успеваю записывать за ней. Вот-вот из её пасти забрызжет яд.

– И ещё, ваша честь! Я решительно требую приобщить к делу эти документы!

Юлия достаёт из сумки пачку ксерокопий.

– Это чеки, ваша честь! Моя доверительница покупала сыну одежду, тогда как ответчик не тратил на ребёнка ни копейки!

А вот это уже, – думаю я, – пиздец...

– Тридцать две тысячи шестьсот шестьдесят семь рублей! Пусть потрудится внести хотя бы половину!

Такая резкая и наглая ложь ставит меня в тупик. Я сижу как оплётанный. Ни хуя себе, думаю я. Ни хуя себе.

– Ответчик, что вы можете сказать? – спрашивает судья.

Я с трудом выдавливаю из себя:

– Прошу перенести судебное заседание. Мне следует получить консультацию.

В экстазе адвокатша топает ногой, едва не дробя каблук:

– Прошу обратить внимание, ваша честь, на тот факт, что у ответчика высшее юридическое образование! Какие ещё консультации?

– Это его право, – говорит судья, – заседание окончено. Дата следующего заседания – двадцать девятое октября. Время – десять ноль-ноль.

Адвокатша торжествует.

11

Двадцать девятое октября. Происходило ли в этот день что-то знаменательное? Не знаю. Но для меня этот день знаменателен, точно. Это день моей победы на поле брани семейного права.

Униженный и оскорблённый, я всё же взял себя в руки и подготовился к следующему заседанию основательно. По совету Леры, своё выступление я написал.

Выстроено оно было так: законодательство (статья шестьдесят четыре Семейного кодекса Российской Федерации), судебная практика и самые убойные аргументы – постановление Правительства РФ о повышении зарплаты работникам Конторы, справки из бухгалтерии. Ну и импровизация, разумеется.

Я надеваю белую рубашку, красный галстук и чёрный костюм. Ботинки вычищены идеально. Достая из шкафа пальто. Оно куплено мною в 1998 году за пятьдесят рублей в секонд-хенде. Я давно его не носил, но люблю его. Оно напоминает пальто Штирлица. Это немецкое пальто.

...Говорю негромко, но динамично. Периодически я балуюсь пародией, лет двадцать, наверное, балуюсь, и это сказывается. В моей речи проскакивают металлические путинские нотки.

Судья слушает внимательно. Я чувствую смену её настроения. Если на первом заседании моё предложение о выплате алиментов было встречено ею прохладно и даже наплеватьски, то теперь она уже начинает размышлять, возвышаясь над собственными судейскими штампами.

...Когда дело доходит до грядущей моей зарплаты, секретарь судебного заседания, девонька молоденькая и симпатичная, смотрит на меня с искренним интересом.

– Но чеки! Чеки! – перебивает меня вдруг Юлия. – У меня есть чеки!

И всё-таки она дура. Судье явно не нравится её поведение. Перебивает, вносит сумбур. Судьи не любят, когда на заседаниях орут. Самим поорать – другое дело.

– А что, – спрашиваю, – чеки? О чём говорят эти чеки?

– О том, что ваша бывшая жена покупала вещи! На многих чеках есть её фамилия!

– И фамилия того, чьими деньгами она расплачивалась, там тоже имеется? Она могла эти деньги взять, например, у вас. Как будто бы. И оплатить эти мифические вещи.

Судья объявляет перерыв.

– У вас ничего не выйдет, – шипит Юлия, – ничего, слышите! Мы потребуем, мы вещи принесём, мы...

– Посмотрим, – говорю я, – уважаемая Юлик. Посмотрим.

Она осекается и начинает что-то зло бормотать о конституционных правах.

Судья выходит из совещательной комнаты и объявляет своё решение.

Мои требования удовлетворены в полном объёме. Адьюс, амиго!

Жаль, что во время выступления мне пришлось снять пальто.

12

Хрень какая-то происходит в моей жизни. Не трагедия, конечно, нет. Когда умер близкий, ногу тебе отрезало трамваем, в тюрьму посадили тебя или выяснилось – болен ты неизлечимо, вот они – да, трагедии. А у меня? Если меня любят, выясняется, я не люблю. Если

я люблю кого-то, то ко мне безразличны. Банально так, описано это и снято про это тысячу раз. И оттого безумно скучно, не видно никакого выхода. Кажется, что так будет всегда. Мне тридцать девять. Неужели я действительно боюсь остаться один?

13

На Колю смотреть больно. Перед застольем Коля признался мне, что теперь ему не с кем будет нормально поговорить. Он даже закурил, сидя за нашим траурным столом, это некурящий-то Коля. Провожаем Андрея Павловича в последний путь, так сказать.

Настроение не очень весёлое. Я написал рапорт об увольнении на пенсию и отдал начальнику. Начальник подписал его не глядя.

– Я надеюсь, это взвешенное решение. Учти, Андрей Павлович. Назад пути нет.

Какой там путь назад, мать их фашистскую, думаю. Я к любимой улетаю. Жизнь с ней и ради неё – эта карта, которая бьёт все козыри: Москву, работу, друзей...

...Они сидят за моим столом – не друзья, но сослуживцы. С друзьями я был вчера. Меня провожали в «Каретном ряду». «Каретный ряд» – это ресторан на Поварской улице. При Советах улица называлась Воровского.

В 2010 году, при выходе из «Каретного ряда», был застрелен Вор в законе Всея Руси Дед Хасан. Ресторан был его резиденцией. Там он проводил деловые встречи. После одной из них снайпер снял его выстрелом с чердака дома, в котором проживал Сергей Михалков. Наверное, перед смертью Дед неплохо пообедал. Хорошая кухня в этом ресторане.

Мой друг Миша причитал:

– На кого же ты покидаешь нас? Когда мы теперь увидимся?

Я пытался корчить из себя оптимиста. Я говорил, что Екатеринбург – это не край света, что я буду часто прилетать. Говорил и слабо верил в это. Когда мы закончили, они вызвались меня провожать. Я отказался, сославшись на то, что нужно собирать вещи. Соврал. Мне просто хотелось побыть одному.

Они сели в машину и уехали на Садовое кольцо, а я направился в сторону метро «Арбатская», решив пройтись по кривым московским улочкам, проститься с ними. Пройдя метров сто, присел на скамейку в дворике Литературного музея, под памятником Горькому, и закурил. С тоской смотрел на старое здание со львами и масонскими звёздами. Бездонная какая-то тоска. Укоризненно взирал Максим. Я подумал, что не вернусь сюда никогда...

...За столом с сослуживцами чувствовал себя отрезанным ломтём. Они желали мне нового семейного счастья, выпивали по две-три рюмки и уходили. Один за другим. Даже Николай Иванович, мой друг Коля, не стал засиживаться. Он выпил полбутылки вина и отчалил, сославшись на экстренную встречу с любовницей-молдаванкой.

– Жена сегодня у дочери, квартира пуста, такого шанса мне больше не представится, Андрюха!

Я сказал, что да. Конечно же, надо идти. Молодая молдаванка, все дела. Я проводил его в коридор, мы обнялись.

Был Андрюха – нет Андрюхи. Будут Саня, Вася, Петя. Жизнь продолжается.

14

Самолёт долго кружит над Екатеринбургом. Будто раздумывает: садиться ему или нет. Я смотрю в иллюминатор. Вспоминаю свой самый первый прилёт, тот самый, командировочный, год назад. Рядом со мной тогда сидела девушка. Когда мы снижались, я увидел излучину реки.

– Это Урал? – спросил я.

– Нет, – ответила девушка.

– А Урал где?

– Мы такой реки не знаем.

Девушка была улыбающаяся, но некрасивая.

Улыбающаяся и красивая ждала меня в машине Kia Picanto, неподалёку от платной парковки аэропорта.

Самолёт выпустил шасси, бахнулись колёса о посадочную полосу. Салон разразился аплодисментами, старая добрая традиция – благодарность экипажу за безопасный полёт, безопасную посадку. Вибрирует мобильный.

– Да, Лера, привет, мы уже сели.

Это обычная наша схема. Самолёт приземляется, я сообщаю, минут через двадцать Лера въезжает на парковку.

...Выхожу из аэропорта, приятная прохлада. Рюкзак за спиной, в одной руке чемодан, в другой сумка. Я вижу её, устремляюсь к ней. Поклажа загружается в багажник, я заключаю её в объятия.

– Время, время, Андрюша, мы должны успеть.

Ах, да. В порыве страсти я склонен забывать о суровых реалиях жизни, а бабки капают. Вот-вот включится счётчик, и за стояночку придётся платить.

Лера рулит уверенно. Хорошо рулит. Как автомобилем, так и по жизни.

Мы выезжаем на трассу, авто набирает скорость.

– Ну, рассказывай. Как у тебя дела?

И я начинаю рассказывать. Я говорить могу очень долго, особенно когда у меня хорошее настроение. Сейчас у меня оно – более чем, ведь я прилетел к ней! Рассказываю про Контору, про Егора рассказываю. Про то, как пришёл к нему прощаться в санаторий. Ирина взяла путёвки, хорошее дело. Процедуры, гимнастика.

– Мы посидели на качелях, поиграли в наши игры, – рассказываю я. У нас своеобразные игры, по мотивам просмотренных фильмов. Один из последних – «Девять жизней Нестора Махно». Егор просмотрел его от и до, разобрав на цитаты. Егор стал развивать идеи нового анархизма. Помню, мы написали несколько листовок и развесили их в трёх точках Жуковского: мэрия, Дворец культуры и столб вблизи школы, где учится мой дорогой сынуля. Содержание листовок сводилось к необходимости бить буржуев. Наклеив последнюю, мы отошли в сторонку и вдруг заметили, что какой-то подросток, остановившись у столба на велике, сфотографировал листовку на айфон. У Егора это вызвало приступ бурного хохота.

– У нас появляются сторонники, папа!

...Выслушав это, Лера сказала:

– У вас какие-то странные игры.

Ну да, согласился я. Вряд ли какой-нибудь родитель играет со своим дитём именно так. И поведал, что, прощаясь, подарил ему пятый айфон. Мне же дали неплохое выходное пособие. Тысяч двести пятьдесят. И я подарил ему айфон.

– Айфон? Ему девять лет! – удивляется Лера. – Зачем ему айфон?

Темно в салоне, трасса освещается слабо, но всё-таки я могу разглядеть её лицо. Таким это лицо я видел один раз. Во время моего визита зимой мы поссорились из-за какой-то херни. Ссора продолжалась недолго, даже полосы отчуждения не было, но лицо её тогда оказалось непривычным. Злым было её лицо, таким, как сейчас.

– Может, при других обстоятельствах, – объясняю, – я бы и не подарил. Но, понимаешь, тут такое дело... Я же прощаюсь с ним.

– Не понимаю...

Я смотрю на неё, её взгляд устремлён в дорогу, машина несётся со скоростью сто километров в час, мы движемся в деревню Глядены, к её родителям. Мне жаль, что она не понимает. Я удивлён. Для меня это как снег на голову.

– Почему ты мне этот айфон не привёз? Егор взял его и забыл! Он не понимает, что это дорогой подарок! Короче! Чтобы этого больше не повторялось!

– Чего не повторялось? – не понимаю я.

– Вот подарков таких!

– Ты хочешь сказать, что я вообще не должен делать ему подарков?

– Я этого не говорила. Всё должно быть в разумных пределах!

– Это в каких?

Лера замолкает. Я смотрю в окно. Глаза привыкли к темноте. Мимо проносятся дремучие леса, вот-вот вогулы выйдут из этих лесов. Не хочу думать ни о чём. Всё разрешится. Долгая разлука – вот причина её нервяка. Я же люблю, а раз люблю, значит, выдержу всё.

15

Сколько себя помню, Екатеринбург пронизывал мою жизнь какой-то невидимой нитью.

В девяностые я учился в ОВШМ – Омской высшей школе милиции. В моей группе из Екатеринбурга были двое. Хорошие такие парни, спортивные.

В школе милиции четыре года тогда учились. У нашего, девяносто шестого года, выпуска четырёх не получилось – три года и шесть месяцев. Напряжённая тогда в стране была обстановка с преступностью, и нас выпустили досрочно. Лере об этом факте я не говорю, она и так периодически намекает, что я окончил шараш-монтаж контору, на халяву получил высшее юридическое образование.

Почти четыре года я чалился в ОВШМ и всё это время на каникулы домой на поездах ездил. И все эти поезда следовали через Екатеринбург.

Пронизывала нить. Как ни крути – пронизывала. Ельцина любил пародировать, а он ведь был из Свердловской области! Будкинский алкаш, как выражается мой тесть...¹

Ну и литература, разумеется. Именно литературный журнал, выпускающийся в Екатеринбурге, первым признал мой писательский дар, напечатав один из моих рассказов.

...Я ещё не устроился на работу, мне сказали подождать пару недель, и я этому рад. Гуляю, брожу по центру. Полдень, лица у людей радостные, наблюдаю за ними, пытаюсь понять: каков он – дух Екатеринбурга? Пока не получается. Местами этот город напоминает Одессу. Еле уловимо, но напоминает, пересечениями отдельных улиц с низкими домами и узкими ободками тротуаров.

Я дохожу до искомой точки. Здесь находится редакция журнала. Меня ждут.

– Так вот вы какой – Андрей Ветров!

Надя Куйбышева, изящная девушка, приветствует меня. Она – одна из заместителей главного редактора, занимается вопросами развития журнала. Надя протягивает мне руку, и я её жму. Хотя рука, судя по подаче, протянута для поцелуя. Теряюсь, туплю. Это бывает.

– Я с вами переписывалась на «Фейсбуке».

– Я помню.

– Очень рада, что вы теперь с нами.

Из кабинетов выходят работники редакции.

– Это – Андрей Ветров, – представляет меня Надежда.

Работники улыбаются, и снова рукопожатия.

¹ Село Бутка, Буткинской район Свердловской области – родина Б. Ельцина

Ощущаю себя звездой.

С ними можно иметь дело, думаю я. Это не редакции старых литературных журналов в Москве, сидящие в мрачных помещениях, где на каждого притащившего рукопись смотрят как на террориста с бомбой. Где старики бородатые в помятых штанах, писатели, снуют тудю и сюдою, выклянчивая гонорары. Здесь – свет и перспектива.

А ещё я обратил внимание, что в одной из комнат сидели люди и пили что-то из рюмок.

16

Этот стаканчик для зубных щёток. Этот – для Ниночки, она полощет рот из него. Полотенца для лица. Синее твоё, зелёное мое, жёлтое – Нинино. Бутылки с водой стоят под раковиной, пустые выносятся на балкон...

У Леры всё по пунктикам. Для неё непривычно, когда я что-то забываю, что-то делаю не так.

– Ты зачем свой бритвенный станок в Нинин стаканчик поставил?

– Извини, – говорю, – больше такого не повторится.

И повторяю это дня через два.

– Неужели трудно запомнить? Станок нужно положить вот на эту полочку!

Не «ложить», а «класть», хочу сказать я. Но – не говорю, чувствую за собой неправоту потому что. Я не помню, с каких это пор у меня. Видимо, постоянно. Со всеми девушками, с которыми был в отношениях, у меня комплекс вины. Всегда так было. Если происходит что-то, я виноват.

Стыдобища. Очень стыдно мне за эту свою рассеянность.

Стаканчики, грёбаные стаканчики. Нет-нет да водружу я туда свой станок. Анализирую, пытаюсь понять почему? Доходит. У меня же в Жуковском, в ванной, тоже стаканчики. И я в течение семи лет опускаю в них свои бритвенные станки.

– Это инстинкт, Лера, привычка, понимаешь?

– Не понимаю.

М-да. Жизнь прожить – не поле перейти.

Трахнемся – забудем.

17

Кстати, про «трахнемся».

С Лерой мы сливаемся в одно в этом процессе. Переплетение и слияние. Слияние и поглощение. Она поглощает меня, не остаётся и следа от бывшего сверхведомственного моего лоска. Это её покорение Москвы, только покорение точечное. Она нагибает Контору. Будто даёт понять мне: забудь, забудь, ты давно не сверху, там уже я. И эта поза – моя любимая.

...Но! Как только я кладу не туда бритвенный станок, на меня вновь выливаются потоки критики, и я скатываюсь в свой андеграунд:

– Ты рассеянный! Ты в космосе! Сколько можно? Сколько я говорила...

Чувствую себя на азиатской половине Евразийского континента полным идиотом.

И чем больше я живу, тем больше ничего не понимаю. Что за дела, мать их фашистскую?

18

Меня обещают взять в организационный отдел старшим инспектором. Работа с бумажками. Никаких командировок. От этого невесело.

– Не так быстро всё делается, – объясняет мне Елена Юрьевна Шац, начальник отдела кадров. – Вы ведь устраиваетесь в серьёзную организацию.

Ага. До этого я работал в несерьёзной.

И всё же молчу. Хотя хочется сказать. И сказать сильно.

Не ты ли мне, мать твою фашистскую, названивала месяц назад и требовала, чтобы я уволился немедленно, ибо место это может «уйти»? Не ты ли? Говорил тебе, что сейчас я на проверке, что я не могу просто так плюнуть и уйти, потому что это непорядочно, если тебе слово такое знакомо. А ты отвечала: ничего страшного, это ваше право – уйти на пенсию без отработки положенного по Трудовому кодексу времени. А теперь, значит, «не так быстро делается».

Крупная баба пятидесяти лет, в очках, с непробиваемым лицом, Елена Юрьевна сидит за столом и пытается издеваться надо мной. Взгляд её – болото серьёзности и равнодушия. Я сразу понимаю причину. Её задело, что, ведя переговоры с ней из Москвы, я вёл себя достаточно свободно. Нет, конечно, не было обращений на «ты» и не ругался я матом, но пару раз позволил себе пошутить. Для неё это ненормально. Она считает себя тут едва не самой главной, Зевс в юбке, громовержец, здесь всё от неё зависит. А тут я. Шутник. Из Конторы! Понятное дело, что для такой особы моя манера общения не то чтобы развязной покажется – как минимум хамской!

– Вы так и не привезли справки о судимости, – бубнит она, копаясь в моих документах.

– Я привёз справки о судимости.

– Они у вас другой формы.

– Какая разница? Стоит же штамп. «Не судим»! Или вы хотите сказать, что по месту моей работы могли служить судимые люди?

– Я ничего не хочу сказать! – хлётко произносит она. – Идите в информационный центр, подавайте заявление, через месяц справки будут готовы. Порядок для всех один!

Через месяц? И что я буду делать этот, мать его, месяц?

– А пока пройдите полиграф. Каждый кандидат при приёме на службу обязан его пройти...

...Невозмутимый, молодой, лет на пятнадцать младше меня, полиграфолог предлагает заполнить какие-то бланки и начинает долго и нудно рассказывать, что такое полиграф, что обмануть его практически невозможно, что всё это очень и очень серьёзно. Обманывать нельзя, волноваться нельзя, если плохо себя чувствуешь – тоже нельзя.

Мне на все его рассуждения и на долбанный детектор глубоко по херу. При устройстве в Контору меня пытал своими тестами четыре с половиной часа самый главный тамошний психолог, доктор наук, судя по его перекошенному лицу и дёрганому поведению – истинный профессионал. Он сказал мне, что его методика самая крутая, а полиграф – чистой воды шарлатанство и ненужная грудa железа с проводами.

– ...Вы вчера пили? – участливо спрашивает полиграфолог.

Такое впечатление, что аппарат влияет на его психику. Как только он включает свою бесовскую машину, то сразу преображается, становится внимательным, а речь его уподобляется журчанию ручья.

– Не пил.

– А почему у вас глаза красные?

– Я мало спал, – не выдерживаю я, – было очень много работы по Праге.

Ноль эмоций. Он просто пожимает плечами. Он не смотрел «Семнадцать мгновений весны». Мюллер так отвечал Кальтенбрунеру в первой, кажется, серии. Ладно, чёрт с ним. Лера тоже не смотрела «Семнадцать мгновений весны». Иное поколение. Не обязаны.

Присосочки и проводки. Опутывает меня, сука. Я вспоминаю другой советский фильм, «Ошибку резидента» вспоминаю, как проверяли русского разведчика. Согласно легенде, он был уголовником по кличке Пегас. А играл его Михаил Ножкин.

– Вы коммунист? Кто есть Михаил Зароков?

Вопросы, задаваемые мне, убоги и примитивны. Я знаю, что они будут повторяться, процентов восемьдесят запомнил, вру не задумываясь. А полиграф ожидает, что эти вопросы поставят меня в тупик, я разволнуюсь, ползущая горизонтально линия колебаться, зашкаливать начнёт.

– Вы брали взятки?

Если бы и брал, я что, признался бы? Ох, смешные.

– Вы изменяли жене?

Да какая тебе-то об этом забота, мать твою фашистскую?

Я стараюсь быть спокойным. Но всё это – действительно попытки унижить, ей-богу. Я смеюсь над ними, над их попытками. Они все тут такие важные. Да я важнее видел, неужели вы не понимаете?

Это был первый день, когда я пожалел, что переехал в славный город Екатеринбург.

19

– У тебя плохое настроение, – говорит мне Лера.

– Всё нормально, – спокойно отвечаю я.

– Нет, не нормально. Что случилось?

– Лера, я сам постараюсь с этим разобраться.

– У нас не должно быть никаких тайн друг от друга. Мы – одно целое. Рассказывай.

Начинаю. Рассказываю, что две недели не мог дозвониться до Егора. Он просто не брал трубку. Вчера наконец взял.

– Какой ты после этого папа? – закричал он, и я услышал, что он плачет. – Ты, который сделал такое?!

...Я орал в телефонную трубку как сумасшедший. Я пытался объяснить ему: не всё, мол, так просто, Егорка, пойми, и пот струился по моим вискам, заливая трубку.

– Я ничего не понимаю! – кричал Егор. – Кому мне верить? Вы все говорите вроде правильно. Но я не понимаю, кому из вас верить!

– Успокойся и верь самому себе, – сказал я не то глупость, не то истину.

В конце концов Егор успокоился. Мы даже пошутили. Сын заявил:

– Извини папа, я вёл себя как debil.

И мы договорились созваниваться как минимум раз в три дня.

...Выслушав мой рассказ, Лера заключила:

– Ага. Зато айфоны в подарок принимаем и не обижаемся!

Лучше бы она изъяснилась штампом. Про то, как он вырастет и всё поймёт.

20

Я люблю одиночество. Мне это стало понятно здесь, в городе Екатеринбурге, на втором месяце проживания. Долго не хотел признавать этого, но вот признал. Это открытие меня несколько озадачило. Одиночество – это, когда один. А у меня есть Лера, у Леры есть Нина. И это семья.

– Ты к ней холоден, – заметила как-то Лера.

Холоден? Я не ору на неё, не практикую телесные наказания, я играю с ней в куклы – и я к ней холоден?!

Лера – человек, у которого всё на полную катушку. И сразу. Эмоции через края хлещут. Любить – так любить. Трахаться – так трахаться. Ругаться – так ругаться. Я по первым двум пунктам – всецело «за». А третий пункт мне чужд и отвратителен. Женских криков я до сих пор не выношу. Даже повышенных интонаций. Женщина не должна орать. Женщина должна говорить тихо.

А Лера на дочь свою налюбоваться не может. Она жалеет её, боится обидеть, ведь её ещё до появления на свет бросил родной папаша. Бросил и ни разу не изъявил желания увидеться.

Лера хочет, чтобы я любил Нину по полной. Есть у меня чувства к ней тёплые, есть. Тёплые, хорошие. Успокойся, говорю. Дай время, привыкнуть надо.

Но Лера – человек стремительный. Человек крайностей и крайне открытый человек. Что пришло на ум, в себе не держит, выдаёт сразу – нате! Я уже награждён титулом «ёбнутый». Не помню, как и что произошло, рассуждал я о чём-то.

Лера выслушала эти рассуждения и заключила:

– Ты говоришь как ёбнутый.

Опаньки.

«Это не со зла, Андрюшенька, – впоследствии объяснила, – вырвалось просто. Я же добрая, ты знаешь. Это несдержанность моя. Прости меня!»

И поцелуйчики, поцелуйчики.

Дочка копирует маму в точности. Не по её что-то пошло, сразу же:

– Мамка дура! Мамка, отстань! Замолчи!

А потом, часа через два, – поцелуйчики.

– Она у меня добрая, несдержанная просто, – говорит Лера.

– У моего сына язык бы не повернулся сказать такое.

– А у меня другой ребёнок! Она не увлекается Махно! Она в куклы играет!

Видимо, из меня плохой воспитатель, и отвратительный из меня советчик. Сразу же всплывает комплекс вины, вечный и неискореняемый. Всё чаще я ловлю себя на мысли: чужой. Я всё-таки здесь чужой. Не лезь со своим уставом. Здесь заведено так, не лезь.

Поэтому я хочу побыть один. Для передышки. Для того, чтобы не убить любовь.

21

Ну, я не совсем один, конечно. У меня есть «Фейсбук». Девушки уходят утром. Покидают они жилище в восемь. Собираются шумно.

– Где моя Ариэль, мама?!

– Потом найдём! Мы опаздываем!

– Где она? Я же вчера её видела!

Лежу недвижимо. Делаю вид, что сплю. Когда дверь закрывается, я добираю свои час-полтора, просыпаюсь, делаю зарядку, иду в душ. Завариваю чай, наполняю чашку и включаю компьютер.

В «Фейсбуке» – как у себя дома. Я здесь с две тысячи одиннадцатого года, меня сюда затащил тёзка, Андрей Заблудовский, Забл, как называют его в музыкальных кругах. Коренной ленинградец, он дружил с Майком Науменко, помог Кинчеву записать первый альбом «Нервная ночь», в его квартире жил Башлачёв. Забла звал в группу «Автоматические удовлетворители» Великий Панк Свин, но Андрей принял другое предложение, стал одной четвёртой бит-квартета «Секрет». Группа неоднократно собиралась и распадалась, он был единственным, кто не уходил из неё никогда. Название коллектива Андрей оставил за собой и, кажется, даже запатентовал его. Я думаю, это правильно. Он ни разу не предал свою группу, поэтому он самый главный «секрет».

Мы подружились в две тысячи третьем, я, диджей «Радио 7 на 7 холмах», предложил ему вести совместную программу. Её мы называли «Без заблуждений». Она просуществовала всего год, но дружим мы до сих пор. Я горжусь этой дружбой.

– Ты можешь выкладывать здесь свои рассказы, – объяснял мне прелести «Фейсбука» Андрей, – их будут читать, возможно, даже на них обратят внимание «звёзды».

– Да какого хрена? – отмахивался я. – Не читают они этого!

– Читают, читают...

Я обзавёлся всё-таки аккаунтом и потихоньку стал набирать себе френдов, рассылая запросы направо и налево. Когда их набралось человек двести, приступил к публикациям имени себя. Выкладывал и приставал с расспросами к людям, ломаясь в их «лички».

Добрая половина завуалированно посылала меня. Но были и те, кто снисходил.

Великий и ужасный литературный критик Виктор Топоров, например, прочитав один из рассказов, ответил мне так: «Прочитал. Рассказ не плохой, но и не хороший».

Писательнице Инне Иохвидович из Штутгарта, напротив, понравилось всё или почти всё, и она протащила меня по журналам, о которых я и слыхом не слыхивал. Кто-то из них меня даже напечатал.

Валерий Смирнов. Самый мощный писатель Одессы девяностых-нулевых, автор знаменитого «Словаря русско-одесского языка» в четырёх томах, человек, от чьих постов я ухатывался. Ему я обязан тем, что не сошёл с неудобной писательской дорожки.

Меня же никто не печатал поначалу. Я отсылал рассказы по всяким электронным изданиям, по толстым литературным журналам, заносил их в редакции. Продолжал приставать к разным людям на «Фейсбуке», но большинство из них отвергало меня, я им был неинтересен. И так продолжалось полгода.

Однажды пришёл домой пьяный и злой, написал Смирнову, что всё, мол, баста. Мне надоело биться лбом в одну и ту же стену, я заканчиваю с этим тухлым, бесперспективным делом.

Валерий ответил лаконично и убедительно:

«Пишите, Андрей, у вас хорошо получается. А насчёт «надоело биться» – прочтите книгу Джека Лондона «Мартин Иден». Вы всё поймёте».

Я прочитал. И всё понял. Я не могу не писать, назад пути нет, а вода камень точит. Стой как свая. И не перешибёшь.

Движимый намерением, что сродни заблуждению, я продолжил своё дело с упрямством барана, прущего на новые ворота, и у меня, что называется, пошло. «Урал», «Смена», «Литературная газета» и многие, многие другие.

Спасибо тебе, товарищ Цукерберг.

...Открываю крышку ноутбука, включаю, куда надо вхожу. Действую как решительный любовник.

Лиза Зорина пишет: «Андрей! Питчинг будет проведён в ЦДХ 26 ноября».

Питчинг – термин киношный, но его применили к литературному шоу-бизу. За две минуты автор должен рассказать, о чём его книга. Выдать что-то вроде синопсиса. Рассказать, заинтересовать издателя. Заинтересуешь – книгу издадут. Может быть.

Двадцать шестое ноября – день для меня неудобный. Смотрю по календарю – среда. Плохо. Скорее всего, я уже начну работать в, мать их фашистскую, конторке. Отпустят? Два дня нужно, не меньше.

...Вздыхаю и листаю ленту новостей. Статус мой понравился Александре Гусаровой. Кто такая Александра Гусарова? Дружим, оказывается, с две тысячи тринадцатого года. Чудное какое лицо, никогда бы не подумал, что здесь, в этой синеве, мне будет комфортнее, чем снаружи.

22

– Лера.
– Что, Андрюша?
– В ноябре я хочу слетать в Москву.
– Зачем?
– Я рассказывал тебе о питчинге. Его будут проводить в ноябре.
– Ерунда какая-то. Лететь из-за этого?
– Не только. Я увижусь с Егором.
– У нас не так много сейчас денег. Я поражаюсь твоей беспечности. Андрюша, у тебя другая семья и другие уже цели.
– Мои цели – это мои цели. Наши – это наши. Не нужно их путать.
– Спроси деньги у своих родителей и лети.
Я как-то медленно соображать стал в Екатеринбурге. Не зря тут платят уральский коэффициент. Витает здесь что-то такое, делающее человека пришибленным. Такие интересные слова я слышу. Говорит их человек, которого я люблю. Именно этот человек год назад вещал мне в телефон: «Какой у тебя чудесный сын! Я бы его как своего любила!» Уныло всё это как-то. Отстой, мать вашу фашистскую.
– Хорошо, – говорю я, – спрошу.
Не так уж я и отупел здесь всё-таки. У меня есть заначка. И там пятнадцать тысяч.

23

Они проснулись. Они взяли меня на работу. И мне от этого тошно.
Являюсь в костюме и галстуке. Отдел, тот самый, организационный, состоит из четырёх человек.
Человек № 1, начальница. Полина Александровна. Рыжая женщина в очках, голос пискляв и картавит.
– Мы сгаботаемся, Андгей Павлович.
Безусловно.
Она какая-то квадратная. И ножки кривые, тоненькие. Я нарекаю её Кубышкой.
Кира. Кира Владимировна. Рост и фигура, но лицо старухи. Оно приводит меня в тихий ужас.
Третья – Ирина. Она молода, и нижняя губа её висит.
Наконец, последний, № 4. Антошка.
– Антон Николаевич, – представился он.
Заместитель начальницы, на всякий случай. Школьник в очках.
У них тут все начальники в очках?
...Час назад я выставил на стол бутылку черногогорского вина «Вранац», шампанское и литр водки. Бонус-трек – закуска.
«Вранац» пью я. Кубышка тоже на него посягнула, но потом переключилась на водочку. Я потягиваю вино и слушаю вполуха их бляения о тяготах службы. Пытаюсь делать вид, что мне интересно. Хвалю руководство. Потом, видимо, вино даёт в голову или просто устаю я от их служебного жлобства и начинаю травить свои байки. Про то, сколько больших региональных чинуш было трахнуто по итогам моих проверок за время работы в Конторе.
Воцаряется тишина. Я слышу эту тишину, чувствую нависшее напряжение. Для разрядки рассказываю парочку анекдотов. Кривые ухмылки. Отчётливо осознаю, что они стесняются меня, завидуют и ненавидят. Пьют моё бухло и ненавидят. Такое бывает.

«Вранац» иссяк.

Кубышка окосела и смотрит на меня похотливо.

– Андрюша, можно на «ты»?

– Об чём речь, – говорю, – конечно!

– Андрюша, ты можешь называть меня Полей.

– Хорошо, Поля.

Поля икает.

– А водку... мы-ы... не употребляем?..

Это вызов. Кого же ты напугать хочешь, мать твою фашистскую? Я беру бутылку, разливаю по рюмкам. Поднимаю свою и бодро произношу черногорский тост:

– Живиле! – то есть будем здоровы, будем жить!

И выпиваю залпом.

– А я думала, ты непьющий.

Пьющий, пьющий. И пить умею, и напивался, когда – по пальцам пересчитать, хотя и моменты были яркие.

Вот две тысячи первый год, положим. Приехал в Тамбов, к сослуживцам зашёл. Валера Рошин, один из лучших друзей моих по райотделу, эксперт-криминалист. Ура, кричит, Андрей Павлович! В кабак отправились, часа три там пили. Девки какие-то, танцевали с нами, опять пили. Они потребовали такси. Вызвали, поехали. Очутились в коммуналке, там мужики и бабы голые на полу спят. Поехали отсюда на хер! – я сказал. И мы отправились в казино. «Крутое пике» казино называлось. Утро уже, часов шесть, народу полно. Эй, ты! – одному из охранников девонька крикнула. – Подойди! Подошёл. Дай мне тысячу рублей! Дал. И мы поехали в пригородный лес, в шашлычную. Там опять водки взяли, шашлык. Потом девки исчезли. Мы с Валерой вышли и долго брели по лесу, как измождённые былинные странники. Солнце светило ярко и начинало жарить. У Валеры с собой полбутылки водки. Мы очутились у реки, вблизи дачных участков. Какой-то дед в панаме поливал из шланга клубнику.

– Дед! – закричал Валера. – Дай нам стакан!

– Кто вы такие? – высказал недоумение дед.

– У тебя дикорастущая конопля на участке! Сейчас всё сожжём, а тебя трахнем и арестуем! Дай стакан, говорю!

Испуганный дачник выполнил приказ немедленно.

– Вот так вот.

У воды мне стало жарко, я разделся, уплыл на противоположный берег, лёг на песок и закрыл глаза. Валера остался на том берегу допивать. А потом он упал. Мы заснули на разных берегах, проспали до вечера и страшно обгорели...

...Такие дела, Полина Александровна. Она же – Поля. Есть что вспомнить. А если напиться с вами, я даже и не знаю, о чем здесь вспоминать.

– Столько много работы, столько много работы, – скулит она.

Смотрю на часы, время почти девять вечера. Напеваю, что пора собираться.

– Конечно, конечно, – тарыхтит Кубышка, – ты ко мне потом зайдёшь?

– Обязательно. А для начала я помою посуду...

– Хорошо...

Антошка откланялся. Ирочка тоже. Помыв посуду, я вернулся в кабинет. Пусто в кабинете. Поля и Кира удалились в соседний, и это прекрасно, это шанс уйти незамеченным. Я надеваю куртку, выключаю свет и закрываю дверь. Осторожно продвигаюсь по коридору.

Из кабинета Полины Александровны доносятся рыдания:

– Они не утвердили план! Представляешь! Они не утвердили наш план!

– Успокойся, Поля, – строго говорит Кира Владимировна, – успокойся, ёб твою мать!

Ухожу, не прощаясь.

24

Я понимаю – что-то нужно менять. Как-то притираться нужно. Злит одно обстоятельство, прокол в мироощущении злит. Я же решил быть с ней не только потому, что она красивая. Я увидел в ней другую. Я подумал, что она мне ближе, чем Ирина. Своя, подумал. А тут оказывается, те ещё выкидоны. И тоже надо притираться. А я убедил себя в том, что если люди любят друг друга, они притираются если не автоматически, то с лёгкостью. Но тут тяжело, как-то очень тяжело. Это не притирка, работы какие-то столярные. Зажала в тиски и лобзиком, лобзиком делает из меня нужную болванку. По образу и подобию. Чтобы размышлял, как она, делал, как она, и жил, как она, её жизнью жил. Делает, а вот не получается что-то, не выходит.

Ей не нравится, что я не уделяю должного внимания тем думам, в которые погружена она. Я не размышляю о новой квартире.

– Я постоянно думаю о ней, а ты не думаешь.

– А что думать? Вклад на ремонт я сделал? Сделал. Будем въезжать – будем думать и делать. Дом ещё не сдан. Дом сдадут через семь месяцев.

– Я вообще не понимаю, о чём ты сейчас думаешь!

А мне не о чем подумать?

Я думаю о Егоре, который опять перестал звонить. Я думаю о том, что не знаю его нового адреса. Ирина, женщина гордая, сняла новую квартиру, чтобы не иметь больше дела ни со мной, ни с моими родителями. И вообще, я слишком часто думаю. Но толку?

– Пойми меня правильно, Лера. Весь прошлый год я прожил на нервяке. Суды эти, скандалы... Я бросил всё, я приехал в новый город. У меня здесь никого нет. Я прошу тебя: дай мне шанс. Дай мне адаптационный период – два месяца. Я хочу войти спокойно в новую колею. Без ругани, криков, претензий. Честно признаюсь: когда ты меня долбишь за каждую мелочь, у меня пропадает всякая охота к переменам. Срок истечёт – критикуй и делай что хочешь!

– Хорошо, Андрюша. Прости меня, пожалуйста.

Странный договор, правда?

25

Бокалы подарила её подруга. Из чешского хрусталя. Их – шесть.

Первый бокал разбил кот. Он прохаживался по столу, задел его хвостом. В кошачьей выходке этой повинен, понятное дело, я. Ты тут сидел ночью и печатал и не прогнал его, когда он залез на стол! Виноват-с.

Два бокала случайно разбила Нина. Один уколошила Лера во время мытья посуды.

Я сижу на кухне и смотрю на два помытых, оставшихся, перевёрнутых бокала.

Когда они разобьются, думаю я, всё кончится.

26

Несмотря на вливание в коллектив, ко мне продолжают относиться настороженно. Когда нужно что-то обсудить, Кубышка долбит в стену, и Кира с Ирой покидают кабинет. Антошка сидит рядом с Кубышкой, его перемещения для меня незаметны, но я подозреваю, присоединяется и он. Что там за обсуждения происходят? Мне неизвестно.

Такое со мной впервые. Никогда раньше, где бы я ни работал, ко мне не относились вот так. Чёрт его знает, почему так происходит. Может, я сам виноват, ведь мне с ними неинтересно. На прежних местах, какое из них ни возьми – райотдел милиции, радио, Контора – я всё-таки открывал для себя что-то новое. Там работали люди, у которых можно было что-то почерпнуть, или взрослее, или профессиональнее меня. Видимо, это называется развитием. Здесь развитие может пойти вспять. Я чувствую это.

– Андрей Павлович, – сообщает мне Кубышка, – послезавтра у нас коллегия. Приедут заместитель губернатора, первые лица администрации, первые руководители правоохранительных органов. Их нужно встретить на первом этаже и проводить в зал заседаний.

Это прекрасно. Никогда ещё не выступал в роли встречающего-проводящего.

– А других людей для этой роли нет?

– Я не поняла. А что здесь такого?

– Я их встречу, конечно, всех. Но Евгения Алексеевича пусть встретит кто-нибудь другой.

– Это ещё почему?

Смолит на меня своими наглыми глазёнками.

Ты же всё понимаешь, думаю я, сука. Евгений Алексеевич – Босс местной Конторы. Я его проверял, а он меня умаслить пытался. Я при нём курил вульгарно. Поучал, как работать надо. И не очень-то комфортно мне в новой роли выступать сейчас.

Всё это я ей не говорю, конечно. По-другому выворачиваю.

– Видите ли, Полина Александровна. Я, когда был на проверке, неоднократно конфликтовал с ним. Справку жёсткую составил. Как бы не вспомнил он обиду, не отыгрался на вашем, в смысле, нашем управлении. Это тактически ошибочный ход, Полина Александровна.

Забегали глазёнки. Поля в некотором замешательстве.

– Нет, – слегка дрожащим голосом выдавливая она из себя, – ерунду говорите. Вы обязаны всех встретить.

Послать бы к чёртовой матери всю вашу богадельню, да не могу вот. Отпрашиваться у тебя вскорости надо, лететь в Москву.

Ну, ничего, думаю. Ничего. Я тебя обману, мать твою фашистскую.

27

Я вспоминаю поездку в Читу. Летели туда зимой, в январе. Изначально от нашего отдела должны были полететь двое: я и Коля. Но потом переигралось что-то, и отправили меня одного.

Коля расстроился.

– Вот чёрт, – сказал Коля, – я уже и термобельё купил. Жаль, конечно, жаль. Мы бы с тобой, Андрюха, быстро проверили всё вдвоём, глядишь, и похулиганили, да.

Ходил туда-сюда по кабинету Коля, размышляя вслух.

– Но есть один плюс, есть один плюс. Жена пока не знает, что я не лечу. На сколько командировочка, Андрюха?

На десять дней командировочка.

– Ага. Вот я на десять дней у Катки и зависну.

Завис Коля у Катки, может, и не завис. А я поздним вечером впёрся на борт самолёта и улетел в холодный негазифицированный Забайкальский край, шесть часов воздушного пути и восемь – разницы с Москвой. Коньяк «Одесский» во фляге успокоил меня и помог уснуть.

...Краевая Контора подала авто на посадочную полосу. Нам помогли оперативно забрать в багажном отделении чемоданы и повезли в гостиницу. Темнота и мороз.

– Пятьдесят градусов ниже нуля, – сообщил нам один из встречающих. Он был бурят, и звали его Иван Николаевич. – У нас в январе всегда так.

Сурово.

– Мы вас везде возить будем. На улицу самим лучше не выходить. С женщинами заводить отношения не советуем. Двадцать убийств за месяц по городу, восемнадцать совершены женщинами. Обижаются на мужчин – и сразу за нож. Удар на поражение, прямо в сердце. Потом в полицию бегут, явки с повинной пишут... А вообще у нас народ добрый, приветливый. В гостиницу сейчас заедем, отдохнёте, потом – на работу, потом – ужин...

Заведением, где мы отужинали, была огромная юрта в степи. Сумасшедшая такая степь, заснеженная и бескрайняя, уходящая в Монголию.

В юрте нас встретили гортанным бурятским пением. Луноликие женщины в национальных нарядах широко открывали рты, их лица были добры. Закончив петь, каждому из нас они повесили на шею синий шёлковый шарф. Потом мы сели за огромный стол, уставленный водкой, китайской лапшой фунчозой, дымящейся бараниной и большими пельменями, истинное название которых – позы.

– Вы когда-нибудь кушали позы? – искренне поинтересовалась старшая бурятка, хозяйка заведения. – Это делается так...

Она берёт поз, поднимает его высоко и продолжает инструктаж:

– Откусываете кусочек с краю. Выпиваете бульон. Потом едите. Очень хорошо под водочку!

Голос у хозяйки поставленный, интонации выдают её лидерское комсомольское прошлое. Возраст определить трудно, от сорока до семидесяти. В этих краях степные ветра стирают с лиц молодость и старость.

– А ещё лучше водочка в наших краях идёт под бухлёр. Бухлёр – бараний бульон, товарищи.

За столом наблюдается оживление. Позы – штука хорошая, но бухлёр своим названием перекрывает их эстетическую значимость.

– Бухлёр, бухлёр, – прокатывается весело по рядам моих коллег, у нас большая бригада, тринадцать человек, и никто не слышал этого названия.

Прекрасная получилась, динамичная командировка. «Бухлёр-тур», так я окрестил её.

Нам пришлось часто ездить по районам, мы много работали и много пили. В обед пили и в ужин. Обеды проходили в «позных». Стоимость – рублей сто пятьдесят на брата. Пять поз. Бутылка водки в десять минут «раскатывалась» на троих, мы выходили на улицу и моментально трезвели, сорок градусов ниже нуля. Прыгали в машину и устремлялись проверять. В семь вечера собирались на вечернюю планёрку, а оттуда, всей бригадой, снова в алкогольный бой. По выходным – музеи и природа. Девочек не предлагали.

– Будут заманивать с бабами в баню, – предостерегал в Москве Коля, – соглашайся только в том случае, если с тобой пойдёт очень большой начальник!

Но нам не предлагали девочек. Сам край, казалось, не располагал к этому. Дикие степи, разноцветные ленточки, повязанные на ветви деревьев, сопки, переходящие в скалы, Будда и местные духи, в деревнях до сих пор поклоняются им, сатанинский взгляд барона фон Унгерна, подмеченный мной на старой фотографии в одном из музеев, – всё это уносило прочь от материального мира.

– Рядом с фотографией барона фон Унгерна, – водила указкой по снимкам музейный гид, – наш учёный-антрополог Цибилов. Существует версия, что в двадцатые годы прошлого века по заданию ОГПУ он прибыл в один из тибетских монастырей и выкрал там ценнейшие письма. Возможно, они относились к разгадке тайны Шамбалы или ещё к чему-то подобному. Когда пропажа обнаружилась, лама монастыря направил в один из наших дацанов секретное письмо. В нём говорилось: как только Цибилов умрёт, монахи должны отделить

голову от тела и доставить в Тибет. Цибиков действительно вскоре умер, и местные монахи выполнили приказ. Череп учёного был распилен, из него сделали чаши и стали использовать во время ритуалов. Чаши наполнялись отварами. Лама пил из этих чаш. Пить отвар из черепа умного и сильного врага – большая честь для ламы...

Окончательно не давали погрузиться в эту эзотерическую пучину работа и подхалимаж. Именно здесь я столкнулся с приятным подхалимажем в свой адрес. Областные не подхалимничали, нет. Они были гостеприимны и исполнены достоинства одновременно. Мало кому удаётся вести себя так.

Подхалимаж бил ключом из районных князьков. Один такой, приземистый и юркий бурят, повёз меня и моего помощника в воинскую часть, пострелять. Я люблю стрелять. Тем более что к моим услугам было разнообразное оружие, давно снятое с производства: пистолет «ТТ», винтовка Мосина, автомат «ППШ», один из первых дисковых пулемётов.

Когда я стрелял из винтовки и укладывал одну бутылку за другой, князёк скакал рядом со мной бойким петушком и восхищался:

– Ах, как хорошо стреляет Андрей Павлович! Андрей Павлович снайпер, наверное?

Потом он повёз нас в военную баню с бильярдом.

– Какой кий желаете, Андрей Павлович?

Я обыграл одного соперника. Потом второго. А третий у меня выиграл.

Несчастный оказался подчинённым бравого князька.

– Как тебе не стыдно! – взревел князёк. – Нельзя выигрывать у Андрея Павловича!

– Можно! – великодушно разрешил я, отхлёбывая из кружки пиво.

– Ах, какой добрый человек Андрей Павлович! Андрей Павлович – справедливый человек, наверное?

...Вспоминаю и вздыхаю грустно. И после всего этого, думаю я о Кубышке, ты хочешь, чтобы я выступал в роли швейцара?

Я тебя точно обману, мать твою фашистскую.

28

План мой прост и гениален. Я покупаю в магазине коробку конфет и отдаю девчонкам-ментовкам, сидящим на проходной.

– Девочки, сейчас сюда будут подходить разные типа важные деятели, пусть поднимаются на пятый этаж и поворачивают направо. Там они смогут раздеться. Хорошо?

– Хурушо, – отвечают девушки.

Это диалект такой уральский – глотать и «заукивать» гласные. Я выхожу на улицу и курю. Из моего дозора видно, как въезжают на территорию все эти, мать их фашистскую, чиновники. Выходят, напыщенные и довольные жизнью, хлопают дверцами. Вот и Евгений Алексеевич подъехал, замечательно. Я постоял ещё с минуту, затушил окурок, зашёл в здание, поднялся в лифте на свой этаж.

Открылись двери, я вышел в коридор и... лоб в лоб столкнулся с ним. С тем, кого видеть не хотел. Какого чёрта тебя занесло сюда? Ведь это – седьмой, а ты должен быть на пятом этаже?

– Здравствуйте, Евгений Алексеевич.

Он взглянул на меня недоумённо и прошёл мимо, не проронив ни слова. Он узнал меня. Определённо.

29

Я смотрю в глаза Леры, они у неё грустные. Мы временно поменялись ролями. Месяца три как у меня настроение тут – так себе, тухляк. А у неё всё хорошо. Дочь, родители и любимый мужчина. А что на душе у меня? Тотальная какая-то мгла и сын, находящийся за тридевять земель. Сын, лишившийся отца. Сын, непонятно как к отцу относящийся. Сын, один только сын, вот что во мне. И предстоящий питчинг, несмотря на все мои наивные амбиции, всего лишь предлог, не более.

Ей грустно. А я сдержан. На самом же деле всё ликует у меня внутри. Через два часа я приземлюсь в Москве. Ещё через час я встречу с друзьями-радийщиками. А завтра я увижу Егора, отпрошу его в школе – и мы поедем на питчинг.

– Ты только возвращайся, – говорит мне Лера.

– Куда же я денусь с подводной лодки?

30

Когда самолёт приземляется, я аплодирую громче всех. Хватаю свой рюкзак, пробираюсь к выходу.

– Всего доброго! – улыбается мне стюардесса.

Я быстро сбегаю по трапу, в числе первых прыгаю в автобус. Здание аэропорта Домодедово, билет на аэроэкспресс, я лечу пулей, я успеваю. Сорок пять минут, и он доставляет меня до Павелецкого вокзала. Я всё организовал под себя, друзья отнеслись с пониманием. Мы встречаемся на Павелецкой, в пивном ресторане «Пилзнер» в 18.00. Опаздываю минут на десять, но это по московским меркам фигня.

Выпрыгиваю из вагона, пробегаю сквозь вокзал, и вот он я, на Павелецкой площади. Шум и грохот. Потоки авто, по площади шныряют хитрые таксисты, торгаши, впаривающие прохожим какой-то левый товар. Меня посещает неприятная мысль: отвык. Но я гоню её от себя, решительно продвигаюсь по переходу и вторгаюсь в «Пилзнер».

– Палыч! – кричат мне. – Ну наконец-то!

Друзья, ребята мои, как же я рад видеть вас! Сидят, уже по пиву себе заказали: Борисыч, Вася Богачёв, Лёха Зверев. Все мои, все «семёрочки», с «Радио 7 на 7 холмах» то есть.

Это было забавно, как я попал на радио. Окончил Омскую вышку, уехал в Тамбов, поработал следователем.

А потом как-то папа Серого, посмотрев на меня, распивающего спиртные напитки в обществе его сына, произнёс:

– Знаешь, Андрей. Мне кажется, ты склонен к научной работе.

И предложил мне поступить в аспирантуру Академии МВД.

Я согласился. И поступил. Поступил, переехал в Москву и... устроился работать на радио.

Да-да, не удивляйтесь. Аспирантура, даже в системе МВД, – вагон свободного времени. Занятия только на первом году, и то не часто. Остальное время ты предоставлен сам себе. Работаешь над диссертацией, так сказать. Нет, если война какая, понятное дело, призовут и автомат дадут даже. Но войны нет, и все халтурят. Кто в охране, кто преподавательством занимается. А я на радио устроился.

Подружка моя тамбовская, Лена Лихачёва, меня и порекомендовала, ибо голос у меня хороший и опыт кавээновский имеется. Так я стал диджеем.

Пришёл к специалисту по кадрам, протянул купленную в переходе трудовую книжку. Татьяна, как сейчас помню. Каштановые волосы, джип и панталоны. Взглянув в новенькую, не обезображенную чернилами книжечку, специалист как минимум удивилась:

– Вы что, нигде не работали?

В системе МВД трудовую книжку не отдают на руки, только в случае увольнения, а я пока не уволен. Поэтому приходится врать и изворачиваться, бурчать что-то невразумительное.

– В армии служил, в институте учился, аспирантура сейчас вот...

Мне двадцать шесть лет, вроде всё бьётся...

...Ребята рады меня видеть. Мощный, боевой состав.

Борисыч – это Каплун, а имя его – Александр, он работал звукорежиссёром. Музыкант корнями, музыкант от Бога. Папа – участник былинной группы «Ариэль», брат лупит по клавишам в группе «Ума Турман».

Вася Богачёв, как и я, был ведущим. Мы с ним вынашивали планы утреннего шоу, и всё к этому шло, но поменялось руководство, и нас разогнали всех к чёртовой матери.

Лёха Зверев работал на «семёрке» до меня. Мы пересекались на радиных пьянках, но столкнулся я с ним на радио «Ретро ФМ». Вместе мы работали по ночам. В одну из таких ночей он заснул, и его уволили. Месяца через два я повторил его подвиг. Несмотря на этот косяк, Лёха подошёл к радиному делу концептуальнее всех нас. Он защитил диссертацию о радио, а по мотивам диссертации сбавил учебную книжку «Как стать диджеем, или Мои любимые 20 секунд». Потом он сдружился с Фондом независимого радиовещания и стал колесить по стране с лекциями, обучая работников провинциальных радиостанций азам правильного радиовещания.

– А где товарищ Мартынюк?

Товарищ Мартынюк всегда опаздывает. По своему темпераменту он схож с Николаем Ивановичем, отличий между тем масса. Николай Иванович – чиновник, Мартынюк – нет, Николай Иванович женат, и у него дети, Мартынюк же говорит, что его ребёнка трамвай не переедет и машина не собьёт, потому что нет его, ребёночка, нету! У Николая Ивановича с женщинами ОК, у Мартынюка – далеко не всегда. НИЧЕГО НЕ БУДЕТ, говорит он о женщинах, ибо искалечили, сучки, его психику, киданув пару раз в молодости чувственно и по-крупному, теперь он их ненавидит.

Объединяют же их три позиции: темперамент, возраст и оригинальность. И оба из них ценны истории-матери, по крайней мере – моей.

Мартынюк тоже входил в наши планы относительно утреннего шоу. Но, повторюсь, нас всех разогнали. Каплун ушёл звукорежиссёром на телек, Вася – музыкальным редактором на «Финам FM», я прошёлся по «Ретро ФМ» и «РСН» и осел на радио «Говорит Москва» (потом уже, с две тысячи десятого, была Контора).

Мартынюку же повезло больше всех нас. Его взяли промоголосом на «Кекс FM», где он прекрасно чувствует себя до сих пор. Приходит на работу два раза в неделю, что-то записывает, обедает в столовой и уходит. Ах, да, забыл. Ещё раз в месяц он получает семьдесят тысяч рублей. Раньше получал восемьдесят. В связи с кризисом пришлось урезать.

Вот такая у нас банда! – восторженно думаю я. И с грустью вспоминаю, что в Ёбурге у меня нет даже самой мизерной части от этого.

– Ну как тебе там, на Урале, Андрюха?

– Освоился?

– Скучаешь по Москве?

Скучаю, ребята, ещё как скучаю. И по Москве скучаю, и по вам, и по другим друзьям своим, и по сыну скучаю. Что же я наделал, вашу мать?

Но сдержан я. Штирлиц. Любимый мой киногерой – Штирлиц. Осознанно или нет, иногда я ему подражаю. Вот так. Всё зашибись, ребята, говорю. О себе лучше рассказывайте. Ведь мне-то рассказывать, оказывается, нечего.

Мы пили и смеялись до десяти вечера, потом стали собираться. Дошли до метро. Покурили, пожали друг другу руки. И Мартынюк потащил меня в другое кафе. Я угощаю, – заявил он. Это было решающим аргументом.

Мартынюк единственный, кто выражает открытый восторг по поводу моего переезда. Ибо сам он из Екатеринбурга и там у него живёт восьмидесятишестилетний папа. Со временем, полагает Мартынюк, «Кекс ФМ» закроют, он продаст свою квартиру, уедет в Ёбург, купит там две и будет их сдавать. Всё гениальное просто.

Нам принесли по сто грамм виски в пузатых низких стаканах со льдом.

– Так ты не сказал, Ветров! Как тебе Ёбург? Привык?

– Знаешь, Алексей, – молвил я, отпив из стакана, – я могу ошибаться, конечно. Но мне кажется, что так тоскливо мне не было ещё никогда.

31

Я встречаюсь с ней в девять утра у мэрии. Ирина работает в городской мэрии города Жуковский.

– Привет.

– Привет.

Вот и всё наше общение.

Егор бежит ко мне радостный.

– Папа, привет!

Она удаляется, гордая, независимая и похудевшая. Закрывается за ней тяжёлая дверь белого дома эпохи социалистического реализма. Чёрный Жуковский смотрит ей вслед через площадь.

– Ну? Что встал? Какие у нас планы?

– У нас планов – громадье, – улыбаясь, отвечаю я.

Я не выспался. Вернулся вчера в час ночи под грузом пива и виски. Поболтал с отцом, приехавшим в честь моего приезда. Уснул в полтретьего и проснулся в половину восьмого. Раз шестьдесят почистил зубы, испил чаю и двинул в школу. Там я написал заявление классному руководителю, дайте мне, мол, сына моего любимого на день, освободите от образовательной бесовщины.

Беру Егора за руку, и мы идём к фруктовой палатке, где я покупаю мандарины.

– Почему ты не отвечал на мои звонки, сын?

Егор смущённо отводит взгляд в сторону:

– Ну-у-у, давай не будем об этом. Всё ж нормально, пап.

– Договорились.

Я не давлю. Так мне посоветовала классный руководитель моего сына. Загнанный в очередной психологический тупик, я позвонил ей из Ёбурга и попросил корректно так поинтересоваться у моего ребёнка: в чём, собственно, дело, почему он сбрасывает мои звонки и не звонит мне? К моему величайшему удивлению, она поговорила с ним. Слова Егора были ретранслированы так: «Мама одна, и я за маму».

– Не говорите о ней, – посоветовала она мне, – ничего плохого сыну.

Странно, ведь я и не говорил ему о ней ничего. Разве что про адвокатшу.

Но я не стал думать об этом, я сказал ей – хорошо. И себе сказал то же самое.

– ...Егор, я час посплю, ладно?

– Нет! – твёрдо отвечает сын. – Мы давно не виделись, и мы будем играть.

– Всего час! Папа болеет, и папе плохо!

– Ну-у ладно...

Мы заходим в квартиру, я передаю его в руки деда, а сам ложусь на диван. Надо мной на стене висит карта маленького гения. Когда-то я подарил её Егору, и он, болтая ногами, порвал её край.

Чёрт с ним. С этим краем.

Я пытаюсь заснуть, и у меня не получается. Локаторы обращены на кухню. Егор беседует с моим отцом. До меня долетают обрывки фраз.

– А! Я тоже разведусь! – заявляет Егор.

К чему это сказано, непонятно, но я улыбаюсь.

Кто бы, мать её фашистскую, ни старался, не разорвать ей эту связь.

Кстати, а почему – ей? – спрашиваю себя я.

И проваливаюсь в недолгий сон.

32

У ЦДХ полно народа. Москвичи и гости столицы желают приобщиться к ярмарке интеллектуальной литературы «Нон-фикшн». Очередь в кассу вызывает оторопь.

Егор возмущён:

– Как это так? Артист выступает, а ему ещё и билет покупать? Однако!

Для Егора предстоящее действо – артистическое. Я буду представлять свою книгу, выступать, значит, я – артист.

Взрослому – триста, ребёнку – бесплатно. Спасибо и на этом.

Мы покупаем билет, преодолеваем кордоны, сдаём одежду в гардероб и, быстро поднявшись по лестнице, находим нужное помещение. То самое, где должен проходить питчинг. Заходим, там я сталкиваюсь лоб в лоб с красивой девушкой в очках. Свитер с горлышком и полоски на нём. Я узнаю её. Это Александра Гусарова, та самая – моя френд по «Фейсбуку». У меня великолепная зрительная память.

– Здравствуйте, Александра! Я – Андрей Ветров, мы с вами дружим на «Фейсбуке».

Саша рассматривает меня секунды три.

– Ах да. Я сразу и не узнала. Плохо вижу просто.

Не знаю почему, но я рад этому внезапному знакомству. Может, потому, что мне нравится переводить виртуальные отношения в реальные, а может... Я рад смене визуального женского ряда? Не знаю. Но настроение у меня прекрасное.

– Это – Егор, мой сын. Тоже писатель и поэт.

Егор с готовностью рассказывает стихотворение собственного сочинения, и Саша говорит:

– Молодец, Егор.

Спокойно. Без всяких фальшивых: ах, какой талантливый мальчик! Без криков и аплодисментов. Мне это нравится.

Саша достаёт из рюкзака бутылку пепси-колы и отпивает из неё, опасливо озираясь по сторонам. Я улавливаю запах коньяка.

Любитель пепси Егор смотрит на бутылку завистливо.

Я спрашиваю, какая книжка у Саши, она отвечает: про секту. Я восхищён. Когда-то я тоже написал о секте роман детективного плана, но посчитал его слабым и давно уже о нём не вспоминаю.

Вбегает Лиза Зорина, приветствует нас и говорит, что скоро всё начнётся. Мы рассказываемся. Всего в зале человек тридцать. Неужели все тридцать – наши конкуренты?

Напротив нас стоит длинный стол. За ним сидят: девонька, симпатичный дяденька с бородкой и лысый мужчина в шарфе. Лиза стоит рядом с микрофоном. Она бойко начинает мероприятие, представляет троицу. Лысый мужчина – гендиректор издательства, где работает Лиза. Он берёт микрофон и объясняет, что такое питчинг.

Ваша задача – продать своё произведение, заинтересовать покупателя, что именно ваша книга... Ах ты боже мой. Меня ещё на радио настораживали эти рекламные штучки.

– Две минуты! – предупреждает генеральный директор. – Только две минуты!

Время пошло.

Первый, второй. Не конкуренты.

Третьей или четвёртой приглашают Сашу. Она подходит к столу, достаёт айфон и начинает читать. Спокойно, но не монотонно, с достоинством. Укладывается в хронометраж.

Я её хвалю.

Следом выходит длинный тип в сопровождении девушки с ноутбуком.

– Дорогие друзья! – голосит длинный. – Прямо сейчас я вам расскажу о книге, которая называется... Началось всё дело вот так...

Девочка нажимает кнопку на ноутбуке, играет музыка.

– А следом за этим произошло вот что...

Новый трек.

В зале наблюдается оживление. Егор ржёт. О чём книга – непонятно, но шоу уровня «в наш сельский клуб приехали артисты из райцентра» дано. Генеральный директор улыбается. Мы тоже.

– Время! Время! – угрожающе произносит Лиза.

Но длинный не унимается. Лиза, девушка роста невысокого, пытается забрать у него микрофон, но тот скачет вдоль стола горным козлом, подпрыгивая, высоко задирая руку с микрофоном. Гендиректор издательства уже не улыбается.

– Чтобы больше такого не повторялось, – сурово предупреждает Лиза.

Егор продолжает хохотать, фиксируя происходящее на айфон.

Вскоре выхожу я. У меня нет айфона. У меня бумажка с текстом, который выучен в общем-то наизусть. Бойко, эпизодически весело, зачитываю свой спич. Укладываюсь, хоть пару раз были и паузы. Читайте, люди, мою книгу.

– Ментовская система отвратительна, – говорю я, – но именно там куются настоящие люди. В зале сидит мой сын, он подтвердит!

Егор, согласно отрепетированному сценарию, поднимается и решительно заявляет:

– Да!

Аплодисменты.

После меня выступают человек семь. Питчинг окончен.

Участников благодарят, обещают, что с победителями свяжутся.

Звёзды расходятся по домам. Я предлагаю Саше пойти с нами в пиццерию, но она скромно отказывается, и мы прощаемся.

Жаль, думаю я, мы бы неплохо посидели.

Ветер, ноябрьский ветер шевелит мои волосы. Егор – вприпрыжку рядом.

– Кто тебе понравился больше всех?

– Ты, тётя Саша и тот чувак... длинный...

Темнота кругом, мы движемся от Крымского моста в сторону метро «Октябрьская». Хитро подмигивает нам, двум смешным парням, своими огнями Москва. Как же люблю я тебя, милая моя девочка.

– Завтра в классе расскажу, что тебе дали народного артиста, – заявляет Егор.

33

Два дня – это немного. Но я считаю, что они проведены продуктивно, с пользой. Последние минут пять перед расставанием – плохие, грустные минуты. Держу себя в руках. Отец мой суетится.

– Заберёшь хомяка? – спрашивает он у Егора.

– Конечно! – радостно отвечает Егор.

Хомяк ненастоящий, игрушечный хомяк. В него встроен диктофон с воспроизводителем. Ты скажешь: «Эй, мать твою фашистскую» – и он смешным писклявым голосом повторит это.

– Гантели?

Гантельки маленькие, килограмм веса в каждой, Ирина не забрала их во время своего отступления в другую квартиру.

– Возьму обязательно! Я буду заниматься! Я хочу стать сильным!

Гантели укладываются в школьный ранец. Звонит мой телефон.

Это таксист. Чтобы больше времени провести с сыном, я решил не болтаться по электричкам и метро, доехать по сокращённой схеме. При нормальном раскладе от Жуковского до Домодедова ехать минут пятьдесят.

Я обнимаю отца и сына.

– Встретимся в Тамбове на Новый год!

Егор неуверенно отвечает «да». Глаза его чуть увлажнились, но он, потомок донских казаков, тоже держит себя в руках.

...Перед тем как сесть в такси, я поднимаю голову. Мой сын открывает окно и кричит:

– Анархия – мать порядка!

Вскидываю руку вверх, вытягивая указательный палец и мизинец, показываю «козу».

Таксист – мой старый знакомый. Его зовут Николай. Человек, не до конца посвящённый в подробности моей личной жизни, он и не знает, что я здесь полгода как не живу.

– Опять в командировку? – спрашивает таксист.

С юмором, барон, с юмором!

34

Пытаюсь. Пытаюсь относиться с юмором. Пусть это старый мой приёмчик, но другого я и не придумал.

Мы сидим в ресторане «Своя компания». Заведение сетевое, красные диваны, полочки с книгами. Лера и Алёна изучают меню. Не менее пристально меню изучает Алексей.

Алёна и Алексей – молодая пара, Лерины друзья. Алексей работает в одной богадельне со мной, Алёна – коллега Леры. Всё симметрично, так сказать. Первый раз они были представлены мне прошлым летом, когда я прилетел в Ёбург спустя месяц после своей командировки. Мы встретились в лесном массиве для отдыха граждан. Беседка, домик, мангал.

Я не обратил тогда на них какого-либо пристального внимания, ибо был поглощён Лерой, ничего меня больше не интересовало.

Помню, что Алёна улыбалась и больше молчала, изредка шепча что-то Лере на ухо, по всей видимости, обо мне. Толстенький Алексей отчаянно пытался пародировать Ленина «хорошо, товарищи, хорошо», «мясо, товарищи, мясо», отхлёбывал пиво и разводил в мангале костёр, вырывая листы из какого-то ведомственного приказа, книжицы в мягком переплёте. Подкладывая их в угли, он неоднократно подчёркивал, что это не просто листы. Это листы, вырванные из приказа! Подобные забавы представлялись мне смешными в быт-

ность следователем райотдела, когда я был юношей. Резать селёдку на бланках, застилать стол «корочками» для уголовных дел, конспиративно пить в кабинете под светом настольной лампы, набросив шинель на дверную ручку. Очень мило. Но Алёше уже тридцать пять.

– ...Гм, – бурчит он, – что же взять?

Алексей похудел. По его заверению, это произошло потому, что он не пьёт. На встречу Алексей прибыл в костюме и галстуке.

– Я практически не пью, – напоминает он.

– Да. Алексей давно уже не пьёт, – гордо подтверждает Алёна.

– Почему? – спрашиваю.

– От водки толстеют.

– Видел ли ты жирных алкашей, Алексей?

Внимательный взгляд, подозрительное молчание. Видимо, не видел. Он снова погружается в меню, глядит на супругу, перекидывается с ней парой фраз и выносит вердикт.

– Согласен. Можно взять водки.

Начинается вялотекущий базар. Алёна жалуется на несправедливость начальства. Алексей неоднократно подчёркивает свои таланты руководителя и недоумевает: почему ему не дают стать им? Лера о том же, но в глобальных масштабах.

– Куда ни кинь... Вот Поклонская! Она младше меня на год! И прокурор Республики Крым! Кто она такая? За какие такие заслуги?

Я разливаю водку.

– Ну пусть хоть ей будет хорошо, – говорю.

Лера замолкает и отворачивается от меня.

Разговор перекидывается на житейские темы: автомобили-кредиты-жильё. Жильё-кредиты-автомобили. Очень, очень интересно. Как я понимаю президента Российской Федерации! Умер Ганди, – сказал как-то президент, – и поговорить не с кем. Мудрый человек Владимир Владимирович.

Ладонь моя, незаметно для окружающих нырнув под стол, опускается на Лерино колено.

– Убери, – зло шепчет Лера.

М-да.

35

– А зачем ты летал в Москву?

Этот вопрос мне задаёт Нина, и для меня это неожиданный вопрос.

– Как – зачем? Повидаться с Егором, например...

– А мы что? Не семья? С Егором можно и по скайпу поговорить.

На детей не обижаются. Но меня удивляет подобная постановка вопроса. Он наивен и серьёзен одновременно. Этот вопрос – не её, это мамин вопрос.

А мама стоит у плиты, наливает по тарелкам суп и молчит.

36

Когда я выпью, становлюсь добрым. Вино люблю. Красное сухое. Сербский, а лучше черногорский «Вранац». Это меня Заблудовский подсадил. Пить красное сухое вино, разбавляя его водой. Как древние греки. Мудро, выпить можно больше. Экономия у греков в крови.

Забл, правда, предпочитает Францию и Италию, но я стою на своём упорно, на Балканах нужно было родиться мне, в винной бочке. Выпью бокал, и становится на душе хорошо. Как сейчас. Весь негатив уходит на задний план.

Я сижу на кухне. Я люблюсь Лерой, лицом её, изгибами и пр. Сейчас кое-что будет у нас.

«Сильная любовь штука! – восхищаюсь про себя. – Вот – мы. Совершенно разные люди. Лера – педант, а я – наоборот. Я «Пинк Флойд» люблю, она – Ньюшу. Это каким же надо музыкальным вкусом-то обладать, что в голове должно быть у человека? Если бы не любовь, я бы не сдержался. Но – любовь». Любовь и винишко делают своё дело.

Меня поначалу восхищала её педантичность. Всё по полочкам у человека, всё под контролем, ни о чём не забывает. Но нередко педантичность достигает вершин занудства. У неё всё чисто, и большинство своего свободного времени она убивает на то, чтобы с тряпочкой ходить, пыль протирать на поверхностях. Или сидеть, вещи в шкафах перебирать. Из одного ящика в другой складывать. Очень занимательно.

И какой-то самый незначительный признак нечистоплотности, даже намёк на неё, дико Леру раздражает.

Я как-то не сразу эту фишку просёк. Сдуру, помню, рассказал о молодости своей омской, боевой.

Второй курс, рассказываю, Лерочка. Одна тысяча девятьсот девяносто четвёртый год. Я и мои друзья закончили его на два месяца раньше остальных. Сдали досрочно сессию и отправились на подработку – вожатыми в пионерлагерь. Большую половину лета дышали свежим воздухом в сосновом бору у Иртыша, учили детей уму-разуму и приятно общались со студентками-вожатыми. А в августе, набив карманы деньгами, разлетелись по своим городам и весям, на законные каникулы.

Когда же вернулись грызть гранит науки, то узнали, что хозяин нас выпер. Квартиры ведь не только сдают, их ещё и продают, бывает.

Прилетели мы тогда в один день, я, Серый и Миша, заехали к хозяину, погрузили вещи в сумки и стали размышлять: что делать?

В казарму возвращаться категорически не хотелось. Квартиру быстро не найти. Выход оставался один – поиск и эпизодические «вписки». Я, к примеру, мог периодически ночевать у Светы. Света – это была моя девушка. Миша у своей девушки Люси. Серый... тоже у кого-нибудь, а иногда и со мной.

Помимо «вписок», у нас ещё была и «база». Фирма «Кроун», где Серый подрабатывал охранником. Офис располагался в центре, у Транспортного института, и появление посторонних, понятное дело, там не приветствовалось.

Поступали так. Серый приезжал в фирму к семи вечера. Он принимал ключи, всех выпроваживал. Мы с Мишей примерно в это же время подъезжали в центр, покупали бутылку молдавского вина и устраивались на скамейке в близлежащем к офису дворе. Опорожняли бутылку, выкуривали по две-три сигареты, выжидали. Сентябрь – пора в Омске не холодная. Жёлтые листья под ногами, тянет дымком, двор весьма и весьма приличный – добротные сталинские дома.

Когда стрелки наших часов приближались к восьми, поднимались и шли в офис, делая контрольный звонок. Мобильных, напомним, тогда не было. Серый сообщал, что всё чисто, мы заходили, снимали куртки и пили чай. Телек, разговоры, бритьё, чистка зубов, сон. Спали в одежде на диванах, подкладывая под головы листы формата А4.

– Волосы меньше будут засаливаться, – авторитетно объяснил однажды нам Серый, его была идея.

Наступало утро. Мы просыпались и быстро покидали помещение до прихода уборщицы. Зубные щётки, мыло и полотенца уносились в сумках с собой.

Все занятия в институте досиживались нами до конца. После занятий мы шли в читальный зал и готовились к семинарам, до самого закрытия читального зала готовились. Это время было самым плодотворным периодом для нашей учёбы...

– ...А где же вы мылись? – спрашивала потрясённая рассказом Лера, поборница чистоты, ни дня в своей жизни не прожившая в общежитии.

– Мылись мы раз в неделю, Лера. Где придётся. То к одним друзьям, то к другим. Нас очень любили в Омске! Мы были звёздами и просто душевными ребятами...

Слова о любви и звёздности проносятся мимо её ушей. Вопросы гигиены Леру тревожат больше.

– А стирка? Где вы стирали вещи?

– Носки можно было в раковине постирать, там же, в фирме «Кроун». А остальное... Раз в неделю, у друзей.

– Ужас, – качает головой Лера, – вы жили как бомжи.

Я и не отрицаю. Где-то в глубине души я даже горжусь этим. Тут бы мне и остановиться, но...

– А ещё был случай, представь! Октябрь, холодно уже, стипендию задерживают, есть нечего. В холодильник офисный нырять – палево! Пять человек всего офисных, сразу просекут, куда что деваётся, а денег у нас нет. И тут – бац! Вафельный стаканчик в корзине для бумаг обнаруживается. Твёрдый такой, в него мороженое наливают. Ну, мы подумали-подумали и... съели...

– Съели???

Лера изумлена так, будто я ей рассказал о случке с трупом.

– Из мусорной корзины?

– Ну, там бумаги просто были. Ни огрызков, ни плевков, ни окурков. Мы проверили!

– Достали и съели?

– Мы ещё в микроволновку его поставили...

– Мне даже... рядом находиться с тобой после этой истории не хочется! – брезгливо произносит моя чисто плотная жена и уходит в комнату.

Да, думаю. Видимо, перегнул.

Допиваю вино и иду следом.

Не будет сегодня секса, наверное. Да и хуй с ним!

37

Всё-таки хорошо, что у меня много друзей. Из разных периодов времени, из разных точек страны. Не было бы их, худо было бы.

Я сижу в квартире у папы Мартынюка. Когда-то давно Мартынюк здесь жил и формировался как личность. Сейчас он бывает здесь часто, раз шесть в год – это точно. Мама умерла, папа остался один. Держится хорошо, ходит по квартире, дымит папиросами.

– Можешь курить, Ветров, – великодушно разрешает Мартынюк.

Я отказываюсь. Бросивший курить, я нарушил свою клятву раза четыре, покурив на нервной почве.

Сейчас же я не нервничаю. Мне хорошо. Мы купили разливного пива, сидим, пьём. Нахожусь здесь, кстати, не просто по Лериному благословению, а по Лериной санкции, точнее, по поручению её нахожусь.

Неделю назад она мне сказала:

– Андрюша, Ниночку пора устраивать в школу. В нашем районе школы плохие, рабоче-крестьянские, в Ленинский район нужно устраивать. А у Мартынюка папа в Ленинском районе живёт...

Я плохо разбираюсь в местных районах. Какой из них Ленинский, какой Сталинский, мне на это абсолютно похер. Но раз Лера говорит, значит, она знает. Мартынюк приезжал к нам месяцем ранее, и проболтался Мартынюк.

– ...поговори с ним, пожалуйста, пусть оформит временную регистрацию. Мы к школе прикрепимся и сразу выпишемся...

– Поговорю, конечно, – отвечаю я, хотя, если честно, мне неохота. Я не люблю кого-то о чём-то просить. – Поговорю.

– Ты можешь хоть до трёх ночи с Мартынюком быть! Я ничего не скажу, милый!

Вау!

...После четвёртой кружки пива я задаю Мартынюкам вопрос. Папа безразлично машет рукой. Хоть полк, мол, пропишу!

– Я вижу, Андрюха, ты – хороший парень! Хорошим людям нужно помогать!

Сидим дальше. Фотографии смотрим. Папа показывает на патлатого Мартынюка в молодости. У Мартынюка длинные рыжие волосы. Вот Мартынюк с гитарой, участник школьного ВИА:

– О, Андрюха, Лёшка какой был!

Мартынюк чуть смущается. Сейчас он лыс. Он так и не стал участником крупного ВИА.

– Да видел это он сто раз! – шипит на папу Мартынюк. – Дай поговорить нам спокойно! Ветров! Поехали!

Мартынюк предлагает отправиться в какое-нибудь заведение. Он говорит, что здесь их много. Хороших и, по сравнению с Москвой, недорогих. И девок в них много. Как выражается Мартынюк, – школьник.

– Позже, Лёша, позже.

...Свердловское время ноль часов ноль минут. Пора вызывать такси. Завтра на работу, мать её фашистскую.

– Вот что толку на неё ходить? Чего ходить? – недоумевает поддатый Мартынюк.

И в целом он прав.

38

– Валерия Фёдоровна!

Я весел, но не пьян. Голова чуть-чуть шумит, конечно. Но я контролировал ситуацию, я держал себя в руках.

– Валерия Фёдоровна, ваше задание выполнено!

Лера смотрит строго.

– Ты пьяный?

Этот вопрос приводит меня в чувство. Это не просто вопрос. Это – наезд. И я в недоумении.

– Ты пьяный, – констатирует Лера, – от тебя воняет. Ты курил! От твоей одежды ужасный запах! Вот что значит – чужой ребёнок! Тебе наплевать!

Я произношу «послушай». Я объясняю, как живёт папа Мартынюка и что он курит.

– От тебя несёт, как от алкоголика! Ты смеёшься над своей Кубышкой, над её пьянством! А сам такой же!

Я сообщаю, что договорился о регистрации Нины, но я зря это сообщаю.

Лера вещает о том, что ребёнку вредны подобные запахи, и я знаю об этом, но напился и накурился умышленно, короче – я собака.

– Час ночи! Час ночи! – кричит Лера.

«А идите вы все на хуй!» – остервенело воплю внутрь себя я и запираюсь в ванной.

Но некуда укрыться в этой, мать её фашистскую, однокомнатной квартирке. Всё время под перекрёстным огнём. Некуда уйти. Побывать с собой наедине негде.

Я смотрю на свою рожу в зеркало. Красная и злая, глаза сверкают. Да, мудака, конечно. Но неужели я ничего не стою в этой жизни? Неужели я всего лишь и достоин того, чтобы мне ежедневно выносили мозг, мать вашу фашистскую?

39

Погода в Екатеринбурге оригинальная. В июле температура может пасть чуть ли не до нуля. В декабре с минус тридцати до нуля подняться. За сутки.

Я смотрю на подоконник, тает на нём снег.

Хотел рассказ написать про любовь и Черногорию. К другу своему черногорскому обратился. Напиши о любви какую-нибудь пословицу вашу, Славомир. Сербскую, черногорскую.

«Любовь как слёзы, рождается в глазах и падает на сердце», – пишет мне Славомир.

«Красиво», – отвечаю.

И смотрю на подоконник. Тает этот снег, капает слезами. Но куда они падают, эти слёзы?

На грязный асфальт. Ударяя периодически в металлическую поверхность.

40

Саша сообщает радостную новость. Издательство поделилось в Сети новостью о питчинге. Прошёл, мол, питчинг, и вот каковы результаты.

«...сумела обратить внимание на своё произведение Александра Гусарова... Книги Вадима Кондрашова об архитектуре и Владимира Козлова об истории сибирского панк-рока могут найти своего читателя среди интересующихся этими направлениями. Сборник «Менты и люди» Андрея Ветрова и «Сказки из разных стран» тоже вполне могут быть востребованы читателями...»

Это хорошая новость. Она вроде как ни о чём, но всё же приятно. На нас обратили внимание. Из двадцати с лишним участников нас выделили.

«Что там за ментовские байки у тебя? – спрашивает Саша. – Дашь почитать?».

Во как! Обычно я терроризировал окружающих, возьмите да почитайте. А здесь меня просят. Коллега просит! А это в писательском сообществе не принято.

«Конечно, дам. И ты мне своё вышли».

С «вы» на «ты» я тоже перехожу лихо.

41

Лера констатирует, что мне в литературном плане «прёт».

Я отвечаю – да. Это не мощный прорыв, конечно, но всё-таки заметное продвижение. Питчинг, две публикации в «Урале» за один месяц, плюс – взяли мою колонку в «Русский пионер».

– Это потому что я рядом с тобой, – говорит Лера.

Отчасти она права.

Если бы не было Леры и моего переезда, не было бы и этой «колонки» – самой пронзительной на тот момент моей вещи.

«Мой сын уверовал в Деда Мороза сразу. Когда ему было четыре года, он спросил меня: а правда, что он существует? И я сказал: да. Конечно же, он существует, сын.

Но где доказательства, папа? Почему я должен верить, что он есть? А разве это плохо – верить в то, что он есть?

И он согласился, других аргументов не потребовалось. Так повелось, что сын не упрямствовал, просто верил в то, что я ему говорил.

Каждый декабрь он писал Деду Морозу обстоятельные письма. Минимум лирики, максимум конкретики. «Дорогой Дедушка Мороз! Подари мне, пожалуйста...» Далее следовали заказы: «Майнкрафт», игровые приставки, пистолет с пульками и прочая, и прочая. Сын открывал холодильник, выдвигал поддон морозильной камеры и опускал туда письмо. Каждый день контролировал: ушло ли, забрал ли его Дед Мороз. Дед Мороз забирал письмо через день. Моей рукою.

Помню, когда купить полный перечень заказанного сыном не удавалось, я покупал что-то другое. И подкладывал под ёлку вместе с пояснительной запиской. Извини, мол, внучек, на своём волшебном складе я этого не обнаружил. Но зато... дарю тебе вот такую штуку... Твой Дедушка Мороз. Послание я печатал на работе и выводил на принтере.

Что касается моих желаний, они были скромнее и наглее одновременно. Я хотел перемен. В лучшую сторону. Я требовал, чтобы в моей жизни что-то изменилось. Чтобы я стал сильнее и удачливее. Мудрее и решительнее. Последние лет десять требовал любви. Редко, но очень настойчиво. Барабания в дверь морозного царства кулаками. Требовал и не верил. Живя с женой вне любви, как можно в неё, любовь, верить? И всё же я очень хотел любви. Когда выпивал, естественно. Выпивая, такие типы, как я, становятся мечтательными. Мечты их, конечно же, не материализуются, так и подымают, блуждая из сердца в мозг и обратно. Но моя мечта вдруг взяла и материализовалась. В самом расцвете моих сил. А может, и на их закате.

Я встретил её в прошлом году. Я приехал в город Екатеринбург в командировку. И встретил её в этом азиатском городе. Её, женщину, ради которой круто изменил свою жизнь.

Впервые я узнал, что это такое – крылья растут из спины. Мне даже показалось, что я перестал сутулиться. Я – парень, которому под сорок.

Она открыла глаза мне. На то, что жить в нелюбви так же плохо, как жить с женой другого. Что нельзя быть с нелюбимым тобой человеком из-за ребёнка. Ребёнок не должен расти в атмосфере равнодушия, обмана, ссор. И, уходя, ты покидаешь её, но не сына. А сын, он всё равно остаётся с тобой. Он – часть тебя, ты не исчезаешь из его жизни.

Тот Новый год мы встречали вместе. Нам не хотелось ни клубов, ни тусовок, нам хотелось нас самих. Я и она. Исключение – Уральские горы. Они здесь начинаются. А может быть, заканчиваются. Их можно наблюдать то там, то сям. Например, в деревне Глядены. По преданию, блуждавший здесь седой старец умылся водой из ручья и прозрел. Поэтому – Глядены. Горы здесь невысокие, наполовину земля – наполовину скалы. Зимой они натурально грозные. Укрытые снегом, будто белыми накидками, серые скалы напоминают крестоносцев из фильма «Александр Невский».

Я хотел взять с собой на тот Новый год сына. Но у меня ничего не вышло. Та, что была со мной долгие годы, не смогла загасить в себе банальную женскую обиду. И она не нашла ничего лучшего, как мстить. Мстить через сына.

«Я приеду к тебе. Обязательно приеду, папа. Сто процентов!»

Он не приехал. Он остался с матерью. Он, когда-то обожавший и восхвалявший меня, кричавший на каждом углу, что его папа – самый лучший, самый добрый, самый сильный. Что она ему наплела? Бог знает. Мозги промыты основательно, их есть кому промыть. Её подруга-адвокат, например. Чёрная женщина, женщина-змея. На судебных процессах она бросается на своих противников коброй. Шипит и брызжет ядом во все стороны. Процессы выигрывает редко. Свои проигрыши она объясняет несовершенством действующего законодательства и коррупцией. Для моей бывшей она большой авторитет.

Впрочем, возможно, и не в ней дело. Я же знаю своего сына. Сын мыслит нестандартно. Сын подражает героям прошлых лет, о которых его сверстники слыхом не слыхивали. Знают ли они, например, кто такой Нестор Махно? Он знает.

Настоящий мужчина, сын понял, насколько его матери плохо, и решил, что должен быть с ней. Он принял её сторону. Истинно рыцарский и мужской поступок. Я сам виноват. Сам его воспитал таким. Мама – главный человек в твоей жизни, нельзя обижать маму. Я говорил ему это. Сам. Не идиот ли?

Этот Новый год они снова проведут вместе. В тихом и симпатичном подмосковном городе.

Как это будет? Она приготовит таз оливье, разложит мандарины, прочее. Они сядут вдвоём за стол и включат телевизор. Себе она нальёт шампанского. Сыну – пепси-колы. На экране появится Путин.

Нет. Слишком трагично. Скорее всего, они пойдут в гости. Или гости придут к ним. За годы совместной жизни я научил её быть общительной. Ему будет весело.

Какое письмо он положит в морозилку в этот раз? Я не знаю. И вспомнит ли обо мне? В течение последних трёх месяцев от него нет ни ответа ни привета. Когда я звоню, мой сын не отвечает. Из всех социальных сетей он удалён. До него не может дозвониться ни один родственник с моей стороны.

Да, ему будет весело. Нервная система у мальчика прочнее, чем у мужчины, которому вплотную под сорок. Погрязшего в самокопании, бичующего себя, ищущего виноватых мужчины...

Я буду встречать Новый год со своей любимой женщиной. Я буду встречать его в городе, где говорят быстро, глотая гласные. «Пуйдём, пукурим» – так говорят здесь, и не услышишь уже дорогого сердцу московского: «Па-айдём, что ли? Курнём?» В городе, где снег выпадает в октябре, а чистить его считается дурным тоном. В городе, где начинал свою карьеру вздорный и сумасбродный человек – Борис Николаевич Ельцин. Зато я буду с лучшей женщиной планеты. С той, ради которой можно изменить всё.

...На этот раз я не стану требовать от Деда Мороза перемен. Мы слишком часто просим их то у него, то у бога. Дед Мороз, кстати, помощник бога. Вы в курсе? К такому выводу я и мой сын пришли года два назад. Так вот. Слишком часто мы хотим чего-то нового и хорошего, не подозревая при этом, что за новым хорошим вас может посетить новое плохое. Хорошее и плохое, они ходят парой, санитары внутреннего мира.

Поэтому хватит. Я просто подниму бокал шампанского и осушу его до дна. Мне больше не нужно интересного, неизведанного будущего. Верни мне чуточку понятного, но родного прошлого! Хотя бы в виде права на звонок. И всё. Таким будет моё обращение к Деду Морозу.

Осушив свой бокал до дна, я долго не лягу спать. Я усну под утро, когда будет светло. И просплю как можно дольше. Я, верный солдат Деда Мороза, знаю: для исполнения желания Деду всегда нужно время».

...Лере пока я читать её не даю. Во-первых, она ещё не опубликована.

Во-вторых, Лера – человек неглупый, и она поймёт, что за тёплыми словами о любимой женщине скрывается беспросветная тоска, и причина этой тоски тоже станет ей понятна.

– Напоминаю вам, Андрей Павлович, – игриво произносит она, – все, кто меня обижал, кто бросал меня... Всем им было плохо...

Я не помню этих историй досконально. Серьёзно, не помню. Она говорила что-то, а я не помню. Вроде первый муж сошёлся с кем-то, а та не смогла родить. Что-то такое.

Но меня, как говорил Ручечник, не купишь на эту туфту.

42

Сегодня мы вылетаем в Москву. Сидим втроём в зале ожидания аэропорта «Кольцово» и ждём свой рейс. Прилетим в столицу, часов шесть пошарахаемся, затем – Павелецкий вокзал и Тамбов.

Зашибись, с одной стороны. С другой – херово. Полгода я не был в Тамбове, друзей своих не видел ещё больше и очень хочу увидеть. Чувствую, придётся лавировать, натурально отпрашиваться придётся, чтобы повидать их, а я это делать ой как не люблю. Успокаиваю себя: Лера с моими родителями ОК, и её, и Нину будет чем занять. И всё же чувствую: что-то случится. Что-то произойдёт.

* * *

Новый год встретили плохо. Я прикатил с работы под вечер, часа в четыре, хотя мог приехать и в два. Не хотел просто ехать, и всё тут.

– Паспорт! – восклицаю, заходя в квартиру. – Я забыл на работе свой паспорт! Съезжу обратно...

– Ты с ума сошёл? – спрашивает Лера. – Мы через три дня только улетаем. Съездим ещё, заберём.

– Да! – подтверждает Нина. – Паспорт можно забрать в другой день!

– Вот видишь! Тебе даже ребёнок говорит!

– Хорошо, – соглашаюсь, – в другой, так в другой.

Однако Леру уже не остановить.

– До Нового года уже совсем ничего! Мне приготовить всё надо, себя и Нину в порядок привести, а он за паспортом собрался! Езжай за своим паспортом!

– Да куда я не поеду, – говорю, – иду помогать, успокойся.

– Я спокойна! – кричит Лера. – Непонятно, о чём ты думаешь! Как в космосе! Надоело мне всё это!

Меня же, видимо, всё устраивает.

Я снимаю куртку, бросаюсь на кухню и начинаю мыть посуду. Мытьё посуды в этом доме – моя святая обязанность. Это я так себе сам определил, назначил себя ответственным. В электричестве, к примеру, я не понимаю ни хера, поэтому, чтобы не быть нахлебником, я мою посуду, орудую пылесосом и полы мою тоже я. Это меня успокаивает. Курить мне нельзя, поэтому я херачу, мать её фашистскую, посуду.

– Ты руки не помыл! Ты не переоделся! Иди помой руки и переоденься!

В руках у меня тарелка, хочется разбить эту тарелку себе об голову.

– Лера, – стараюсь говорить максимально спокойно, – ты два дня назад мне вынесла мозг запахом, который я принёс от Мартынюка. Сегодня – Новый год. Можно хотя бы в этот день вести себя нормально?

– Это я веду себя ненормально? Это я за паспортом в Новый год собралась? Иди мой руки!

Я иду и мою руки. Переодеваюсь и хватаюсь за пылесос. Мне нужно чем-то занять себя. Сейчас это архиважно.

– Ты почему одежду в шкаф не повешал?

И тут я взрываюсь. «Повешать» – это детонатор. Сколько раз говорил ей: следи за речью! Ты государственная, блин, служащая! Следи! Как об стену горохом! Повешать, Положить! Не хватает только «покласть».

– Пылесосить будешь потом! Сейчас надо мыть посуду!

– Отъебись, – шиплю я, – от меня. Ладно?

От неожиданности Лера открывает рот. Уходит. Через мгновение из кухни доносятся всхлипывания.

– Мама! В чём дело?

О господи, думаю.

Нина заходит в комнату и смотрит на меня сурово.

– Ты почему маму обидел?

Я врубаю пылесос.

Не помню, как прошли эти восемь часов. Я пропылесосил всю квартиру, сходил на улицу, вытряхнул пыль из мешка. Курить хотелось страшно, но я сдерживал себя. Вернулся, потёр сыр, нарезал овощи, убрал бухло на балкон.

Броуновским движением перемещаемся по квартире. Чтобы лишний раз не пересекаться, я периодически эвакуируюсь в ванную. Сажусь на пол и читаю книжку. Читать, правда, не получается.

21.00.

22.00.

23.00.

Все молчат.

Ломаю себя в сто пятьдесят восьмой раз. Подхожу к Лере. Глажу по плечу.

– Давай больше не будем ругаться. Новый год всё-таки.

– Я так ждала, что ты это скажешь, – отвечает мне Лера.

И улыбается.

Последние лет десять я меряю свою жизнь примитивно. Полосами меряю – чёрная/белая. Протяжённые полосы. Неделя-две. Сейчас, пожалуй, судьба начинает чертить белую. Две недели. Мы успеем провести праздники без скандала. Мы слетаем в Москву, посетим Тамбов и проведём всё это время душа в душу. Выдыхаю.

На столе, обливаясь холодным потом, стоит бутылка «Финляндии». С Новым годом, дорогие товарищи!

43

Однако жизнь ломает привычные стереотипы.

Вместо длинной белой полосы – обломок рельсы.

Не так взял сумку, не туда поставил, не то ответил, не так посмеялся. Этой критики мне уже достаточно, чтобы воспламениться. Я успеваю лишь вовремя задрать люки и приступить к внутренним пожарным работам. Просачивается, конечно, из люков дымок, но не валит клубами.

В самолёте мы не разговариваем. Я читаю книгу. Кормак Маккарти «Кровавый меридиан». Мексика, кровь ручьями, и так красиво. Только крови в моей жизни не хватает.

Читаю, дело моё привычное – молчание. Молчу, чтобы не разгорелось. А многие полагают – нельзя молчать. Никаких тайн, никаких секретов между любимыми людьми. Что вы говорите!

Я читаю «Кровавый меридиан» и понимаю, что мальчикам в детстве не нужно давать книжки о благородных рыцарях. Они, эти книжки, заводят не туда. Покорить принцессу, сразив противника копьём на турнире, пасть перед принцессой на колени и доказывать, доказывать свою любовь. Любовь – это теорема, которую нужно постоянно доказывать, – так же у Шварца?

Весь этот долбанный отрезок своей жизни – юность-зрелость – я занимаюсь тем, что доказываю женщинам. Любовь доказываю, теперь вот пытаюсь доказывать свою состоятельность. А может, наоборот давайте, как выражается мудрый Мартынюк?

В иллюминатор я наблюдаю кудлатые облака, голубое небо и покатым бок солнца. По салону перемещаются фигуристые стюардессы с огромной тележкой. Помимо соков и воды, тележка заставлена виски, коньяком, вином и водкой. Хочется выпить. Но деньги мои у супруги.

Нельзя давать мальчикам книжки о рыцарях. Категорически нельзя. Остап Бендер! Вот какой литературный герой должен служить им ориентиром в раннем, ну, например, десятилетнем возрасте.

– Когда мы долетим? – нетерпеливо спрашивает Нина.

44

Павелецкий вокзал. Девочки мои стоят у буфета. Старшая морщит от неудовольствия нос. Запахи здесь и впрямь не очень.

– Прошу в метро, граждане.

Ловлю себя на мысли, что ощущаю себя хозяином. Положения хотя бы хозяином признаю себя я. И это соответствует действительности. Здесь я – как рыба в воде. Это не Екатеринбург вам, где я ничего не знаю. И знать не хочу.

Мы доезжаем до Охотного ряда, поднимаемся по эскалатору вверх. На улице уже начинает темнеть. Выходим из метро, и я вижу, как Лера и Нина немеют от восторга. Не Екатеринбург, повторяюсь я. Всё в новогодних огоньках, огромные здания вокруг: посмотри сюда – Большой театр, туда глянь – Кремлёвская стена. У Большого – сцена, на сцене стоят Деда Морозы и лабают Рэя Чарльза. Поглядываю на своих спутниц искоса, и чувствую, что они ощущают себя как в сказке, улыбаются.

Провожу на Красную площадь, огромный каток разбит на ней. Через каждый шаг – палатки со всякими сладостями. Покупаю Нине петушка на палочке, по цветочку каждой покупаю.

– Вот Кремль, Нина. Там сидит Путин.

– Нам бы поесть где-нибудь, – говорит Лера.

Я рассчитал время. В мои планы включено и «пожрать», и «походить». Чтобы впечатления были и чтобы час в поезде не сидеть.

Едем до Арбатской, проходим на улицу Поварская. Гробовое молчание продолжается, и это меня почему-то веселит.

– Видите эту белую церковь? Её показывали в фильме «Иван Васильевич меняет профессию».

Ноль эмоций.

Заебитлз. Идём дальше.

– Здание Верховного Суда Российской Федерации. Вам, Валерия Фёдоровна, как юристу, это должно быть интересно.

Валерия Фёдоровна делает вид, что это ей абсолютно неинтересно.

– Мы скоро придём?

– Терпение.

– Мы устали.

Я замолкаю и ускоряю шаг.

– Справа от нас ресторан «Каретный ряд», товарищи. Несколько лет назад, выстрелом из во-он того дома, где жил Михалков-старший...

Дальше не продолжаю. Никому не интересно, ну и мне не надо.

...Молодая азербайджанка приносит меню. Обслуживает не то чтобы профессионально, с душой обслуживает. С особым вниманием к ребёнку.

– У нас и чизкейк есть, и торты вкусные, и мороженое...

Хочешь мороженое, папа купит мороженое. Хочешь пирожное, ну и так далее.

Я намекаю официантке, что от неё исходит слишком много текста. То, что мне нравится в меню, я знаю и так. Заказываю суп, шашлык, салат какой-то, Лере вина, себе водки, Нине беру чизкейк.

Употребляем пищу молча, тщательно её пережёвывая.

Папа купит то, папа купит сё! Это мне резануло слух. Приехали бы в Москву часа на два раньше, отправил бы папа вас к едрене-фене в какое-нибудь кино, а сам сел бы в электричку и уехал в Жуковский. К **своему** сыну!

Я думаю о нём, и меня снова накрывает тоска, а сверху набрасывает свою сеть отчаяние. Егор и Ирина не приедут в Тамбов. Ирине есть где остановиться, папина квартира, братик любимый с женой. Но они не поедут.

Я написал ей письмо, и она ответила: мы не приедем, потому, что Егор не хочет.

А может, поедут? Просто я об этом не узнаю?

– Он опять не здесь, он опять в космосе, – это Лера говорит.

В последнее время она часто говорит такое. Не ей, а мне:

– Я пожалела, что приучила своего ребёнка называть тебя папой. Скажу, чтобы больше не называла.

Родной отец бросил, отказавшись до рождения, лучше папа есть, чем его нет. Пощади, – говорю, – психику ребёнка.

Иногда это срабатывает, иногда – нет.

– Нина, скажи Андрею Павловичу, чтобы поторапливался.

– Андрей Павлович! Собирайся быстрее!

Вот так. Как мама скажет, так и будет. Ещё раз, думаю, такое повторится, скажу: называйте как хотите, только в печку не ставьте. Причём здесь, кстати, космос? Ах да. Рядом стоит официантка.

Я рассчитываюсь и поднимаюсь из-за стола.

Мне безумно хочется курить, хочется держать Егора за руку и расстрелять всех баб.

45

Я всё рассчитал правильно. В поезд садимся в 21.45. Через пятнадцать минут он тронется, и за окном проплывёт Москва-река в своём гранитном наряде. Эх, Павел, Павел, вокзал мой Павелецкий! Сколько раз я уезжал отсюда и сюда же приезжал – не счесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.